

ЮРИСЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Журнал основан в 1999 г.

№ 24

2022

Учредитель

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор

А.А. Васильев, Алтайский государственный университет

Редакционная коллегия

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет, Алтайская лаборатория судебной экспертизы

Н.Д. Голев, Кемеровский государственный университет

Т.В. Чернышова, Алтайский государственный университет

М.В. Горбаневский, председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам

А.М. Плотникова, Уральский федеральный университет, Уральский региональный центр судебной экспертизы

П.А. Манянин, Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Алтайскому краю

О.В. Барабаш, Научно-исследовательский институт фундаментальных и прикладных исследований Пензенского государственного университета

Н.Н. Шпильная, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Б. Лебедева, Кемеровский государственный университет

Л.Г. Ким, Кемеровский государственный университет

Е.В. Кишина, Кемеровский государственный университет

Т.В. Дубровская, Пензенский государственный университет

Е.С. Аничкин, Алтайский государственный университет

Модератор журнала

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет

Адрес редакции: 656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 413а.

Адрес издателя: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: doroninasv@filo.asu.ru

Адрес сайта журнала: <http://journal.asu.ru/index.php/urisl/index>

Адрес в системе РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=31947

Журнал утвержден к печати объединенным научно-техническим советом АлтГУ.

ISSN 2587-9332

Рег. номер Эл № ФС77-78616 (решение от 30.07.2020 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

Язык права	
Насыров Р.В. НЕГАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОНЦЕПТА «ИМПЕРИЯ» ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА	5
Юридическая техника	
Головинов А.В., Головинова Ю.В. ФОРМИРОВАНИЕ КАТЕГОРИИ «ПРАВА ЖЕНЩИН» В ТЕКСТАХ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ	11
Коваленко Е.Ю., Тыдыкова Н.В. О ПОНЯТИИ «ДОПИНГ» И УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ	15
Тимофеев Е.И. УПОТРЕБЛЕНИЕ КАТЕГОРИЙ «СОДЕЙСТВИЕ» И «СКЛОНЕНИЕ» КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ РЕЖИМА БЛАГОПРИЯТСТВОВАНИЯ ПРИМИРЕНИЮ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ	21
Юридическая герменевтика	
Моисеева О.Г., Блинова О.А. ДРЕВНЕКИТАЙСКАЯ ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ О НАГРАДАХ И НАКАЗАНИЯХ	26
Лингвоэкспертология	
Новичихина М.Е. ОБ ОБОЗНАЧЕНИЯХ, ОБРАЗУЮЩИХ ЕДИНУЮ СЕМАНТИЧЕСКУЮ КОНСТРУКЦИЮ, В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ	32
Речевые правонарушения	
Богатырев К.М. ТРЕШ-КОНТЕНТ КАК ФОРМА ИНФОРМАЦИОННЫХ УГРОЗ МЕДИАБЕЗОПАСНОСТИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ	38
Доронина С.В., Кацаева М.В., Трубникова Ю.В. «ОСКОРБЛЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ЧУВСТВ»: ОБЫДЕННОЕ СОЗНАНИЕ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ	45
Рецензии. Хроника. Информация	
Крадожен-Мазурова Е.В. О КНИГАХ М. В. ГОРБАНЕВСКОГО, Г. Н. ТРОФИМОВОЙ «ГЛЭДИС В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ» И Е. И. ГАЛЯШИНОЙ «СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: УЧЕБНИК»	53

CONTENTS

Legal Communication	
Nasyrov R.V. NEGATIVE ASPECTS OF USING THE CONCEPT OF "EMPIRE" TO DETERMINE THE GEOPOLITICAL NATURE OF THE RUSSIAN STATE	5

Legal Techniques	
<i>Golovinov A.V., Golovinova Yu.V.</i> DEVELOPMENT OF THE CATEGORY "WOMEN'S RIGHTS" IN THE TEXTS OF INTERNATIONAL LEGAL ACTS	11
<i>Kovalenko E.Y., Tydykova N.V.</i> ON THE DEFINITION OF DOPING AND CRIMINAL LIABILITY FOR ITS USE	15
<i>Timofeev E.I.</i> THE USE OF THE CATEGORIES "ASSISTANCE" AND "INDUCEMENT" AS A MEANS OF FORMING A RECONCILIATION FAVORING REGIME IN THE CIVIL PROCESS	21
Legal hermeneutics	
<i>Moiseeva O.G., Blinova O.A.</i> ANCIENT CHINESE POLITICAL AND LEGAL THOUGHT ABOUT REWARDS AND PUNISHMENTS	26
Linguoexpertology	
<i>Novichihina M.E.</i> ON COMMERCIAL NAMES FORMING A SINGLE SEMANTIC CONSTRUCTION IN FORENSIC LINGUISTIC EXAMINATION	32
Speech Offenses	
<i>Bogatyrev K.M.</i> TRASH CONTENT AS A FORM OF INFORMATION THREATS TO MEDIA SECURITY IN THE DIGITAL ENVIRONMENT	38
<i>Doronina S.V., Kashchaeva M.V., Trubnikova Yu.V.</i> "INSULTING RELIGIOUS FEELINGS": EVERYDAY CONSCIOUSNESS AND LAW ENFORCEMENT	45
Reviews. Chronicle. Information	
<i>Kradozhyon-Mazurova E.V.</i> ABOUT THE BOOKS BY MIKHAIL VIKTOROVICH GORBANEVSKY, GALINA NIKOLAEVNA TROFIMOVA "GLADYS IN THE DIGITAL SPACE" AND ELENA IGOREVNA GALYASHINA "JUDICIAL LINGUISTIC EXAMINATION: A TEXTBOOK"	53

Негативные аспекты использования концепта «империя» для определения геополитической сущности Российского государства

Р.В. Насыров

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: nasirov.rafail@yandex.ru

В статье ставится цель раскрыть негативные аспекты использования термина «империя» для характеристики Российского государства и определения его геополитической сущности. Методологической основой исследования являются достижения лингвистического поворота в социо-гуманитарных исследованиях, которые еще не в должной мере учтены в юридической науке. Лексемы, как единицы конкретного языка, не просто обозначают те или иные явления окружающего мира, а функционируют как своеобразные вещи, определяющие кругозор носителя языка, ту или иную картину мира, вплоть до ценностных предпочтений и установок. Признается, что в социальной коммуникации функционируют не абстрактные дефиниции, а именно концепты, которые определяют реальное содержание дискурса. Обращается внимание на то, что в современном научном и публичном дискурсе наблюдается процесс возрождения термина «империя» в позитивном значении этого слова. Но иностранный термин «empire» и соответствующий концепт «империя» не релевантны России, т. к. в них не отражается действительная история возникновения и становления российского государства. В хронологических рамках Нового времени и Новейшей истории предлагается ввести принципиальное различие колониальных империй и территориальных держав. С одной стороны, о Британской и Российской империях объективным будет суждение о том, что эти государства имели обширную территорию с разнообразным в этническом и религиозно-культурном аспекте населением. Но, с другой стороны, по форме и сущности это были различные территориально-политические образования. В ходе намеренного затушевывания этого различия и был создан политический миф о России как «тюрьме народов», принятый, к сожалению, основной частью отечественной интеллигенции. В заключение в контексте вопроса о соотношении концептов «империя» и «держава» сделан вывод о необходимости преодоления компилятивно-подражательного стиля развития России, что должно проявиться в более внимательном отношении к построению системы научных и законодательных терминов, определяющих сущность российского общества и государства.

Ключевые слова: империя, держава, лингвистический поворот, язык, концепт.

Negative Aspects of Using the Concept of "Empire" to Determine the Geopolitical Nature of the Russian State

R.V. Nasyrov

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: nasirov.rafail@yandex.ru

The purpose of the article is to reveal the negative aspects of using the term "empire" to characterize the Russian state and determine its geopolitical nature. The research is based on the achievements of a linguistic turn in socio-humanitarian studies, which have not yet been adequately taken into account in legal science. Lexemes, as units of a particular language, do not simply denote certain phenomena of the surrounding world, but function as peculiar entities that determine the horizons of a native speaker, a particular picture of the world including value preferences and attitudes. It is recognized that in social

communication don't function abstract definitions, but rather concepts that predetermine the real content of discourse. Attention is drawn to the fact that in modern scientific and public discourse there is a process of revival of the term "empire" in the positive sense of the word. But the foreign term "empire" and the corresponding concept "empire" are not relevant to Russia, because they do not reflect the actual history of the emergence and formation of the Russian state. In the chronological framework of the New Age and Modern History, it is proposed to introduce a fundamental difference between colonial empires and territorial powers. On the one hand, it will be objective to say about the British and Russian empires that they used to have a vast territory with a populations that were diverse in ethnic, religious and cultural aspects. But, on the other hand, in form and essence, these were different territorial and political entities. In the course of deliberately obscuring this difference, a political myth was created about Russia as a "prison of peoples", which, unfortunately, was accepted by the majority of the domestic intelligentsia. In relation to the issue of ratio between the concepts of "empire" and "state" the conclusion has been made about the need to overcome the compiling-imitative style of Russia's development, which should be manifested in a more careful attitude to the development of a system of scientific and legislative terms that define the nature of Russian society and the state.

Key words: empire, state, linguistic turn, language, concept.

Допустимость постановки вопроса, отраженного в названии данной статьи, обосновывается лингвистическим поворотом в социо-гуманитарных науках, который ярко проявился в последнее столетие. По сути, речь идет о возврате к традиционному представлению о «силе слова», о том, что лексемы (как единицы конкретного языка) не просто обозначают (наделяют знаками) те или иные явления окружающего мира, а функционируют как своеобразные вещи, определяющие кругозор носителя языка, ту или иную картину мира, вплоть до ценностных предпочтений и установок. Г. Гадамер разъясняет, что слово «есть некая сущая вещь, которую мы воспринимаем, нагружая ее идеальностью означивания, чтобы тем самым сделать зримым некое другое сущее» [Гадамер 1988: 484]. Афористично суть лингвистического поворота в исследовании социальных явлений можно выразить так: «Человек не только говорит так, как думает, но он и думает так, как говорит». Это означает, что реальность раскрывается сторонами и аспектами, содержащимися в используемых для ее описания словах. Поэтому сразу укажем, что спорными являются утверждения о том, что определение в 1721 г. официального статуса России с помощью термина «империя» носило формальный характер, просто зафиксировало статус-кво, т. к. фактически империей Россия стала еще в XVII веке.

Важно различать два взаимосвязанных, но не тождественных понятия: с одной стороны, это термины и соответствующие общие определения того или иного явления, а с другой стороны – концепты как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов 2001: 43]. Соответственно, признается, что в социальной коммуникации функционируют не абстрактные дефиниции, а именно концепты, которые предопределяют реальное содержание дискурса, понимаемого как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте» [Лингвистический словарь 1990: 136]. Реальное бытие слов предопределено явлениями, которые лингвисты характеризуют терминами «полевое употребление слов», «со-значение», «коннотация» и др. Так, казалось бы, синонимичные слова «держава» и «империя» имеют несхожие «поля употребления», характер сочетания негативных, нейтральных и позитивных коннотаций. Как пишут философы, концепты всегда «нуждаются в концептуальных персонажах, которые способствуют их определению» [Делез, Гваттари 2009: 6]. В данной статье обосновывается, что в своей сложной и противоречивой истории Россия выступает в качестве не империи, а именно державы.

Заметим, что Германская и Австро-Венгерская империи официально именовались с использованием не иноземного для германцев слова «*imperia*», а родного – «*reich* (рейх)». Дело не только в следовании известному правилу законодательной техники (по возможности использовать слова родного языка), но в том, что даже, казалось бы, синонимичные термины «*imperia*», «*reich*» и «держава» отличаются по своим коннотациям. Как заметил известный отечественный лингвист Ф.П. Филин, «за каждым словом и его историей стоит целый мир» [Филин 1982: 226]. Термин «*reich*» восходит к словам немецкого языка, означая господство, подчинение единой власти. Тогда как слово «держава» приобрело свое значение в результате обоснования права московских князей на самостоятельную власть по отношению к иным государствам, т. е. в нем в большей степени, чем в словах «*imperia*» и «*reich*», подчеркивается право не только на внутренний, но прежде всего внешний суверенитет. В период централизации Руси московский князь говорил представителю хану Золотой Орды о праве «самому держать власть» без его ярлыка на княжение. На встрече с президентом США в Братиславе в 2005 г. В.В. Путин мягко указал на то, что демократия в России будет строиться самостоятельно с учетом особенностей страны, а не для того, чтобы только нравиться Западу. Наконец, в Мюнхенской речи 10 февраля 2007 г. Президенту РФ пришлось прямо заявить о праве России на независимую внешнюю политику. Это примеры того, что выражено в остроумном и одновременно глубоком по смыслу афоризме, ориентирующем на выявление архетипов российского бытия, – «В России за 10 лет меняется все, за 200 (500) лет – ничего».

В понятиях различают содержание и объем. Не так сложно раскрыть содержание, т. е. общие признаки государств, которые претендуют не только на суверенное (самостоятельное) существование, но и на роль активного и влиятельного субъекта мировой политики. Такие государства в современном научном и политическом дискурсе принято называть империями. Но при анализе объема этого понятия в хронологических рамках Нового времени и

Новейшей истории, т. е. конкретных исторических примеров государств последних трех столетий, называемых империями, возникает убеждение в том, что целесообразно ввести различие колониальных империй и территориальных держав. В целом иностранный термин «empire» и соответствующий концепт «империя» не релевантны России, т. е. в них не отражается действительная история возникновения и становления российского государства, в том числе и реалии его современного существования и перспективы развития. Утверждение о том, что меньше всего для означивания страны «Россия» подходит слово «империя», может вызвать упрек в фетишизме слов с указанием на то, что словосочетания «Российская держава» и «Российская империя» синонимичны. Но Г. Гадамер пишет: «Мы ищем верное слово, т. е. такое слово, которое принадлежит самой вещи, так что сама вещь обретает голос в этом слове» [Гадамер 1988: 484]. Вновь повторим, что Россия и ее территориально-политический образ «обретает голос» именно в слове «держава».

В исследуемых явлениях, которые относятся к одному роду, но разным видам, всегда можно найти общие признаки. О Британской и Российской империях истинными будут суждения о том, что эти государства имели обширную территорию с разнообразным в этническом и религиозно-культурном аспекте населением. Но по форме и сущности это были различные территориально-политические образования. В ходе намеренного затушевывания этого различия и был создан политический миф о России как «тюрьме народов», принятый, к сожалению, основной частью отечественной интеллигенции. Хотя анализ царского законодательства о малых народах и национальная политика в СССР (как особой формы Российской державы) свидетельствуют о ложности такой характеристики России.

Проблема в том, что термин «империя» является не только широко, но и произвольно употребляемым, в том числе в полемическом и идеологическом значениях. Поэтому в отношении государств, которые в современной научной и публицистической литературе принято обозначать термином «империя», необходимо в большей степени уделять внимание не просто констатации факта наличия тех или иных общих имперских признаков, а тому, в какой форме они проявлялись и с какой целью. Так, в концепте «империя» акцентируется (выходит на передний план) признак активной военно-политической функции этой формы государств; этот концепт вызывает коннотации с завоеванием и порабощением. С этой точки зрения слово «империя» аутентично истории древнеримского народа, который и придал первоначально специальному термину «imperator» (носитель высшей военной власти, успешный полководец) значение главы огромного средиземноморского государства. В еще большей степени военно-политический аспект концепта «империя» проявился в истории буржуазных колониальных империй.

Несомненно, что и российскому государству объективно присуща активная военно-политическая функция. Но, признавая это, необходимо избегать процедуры «вырывания» отдельных исторических фактов из контекста и их односторонне позитивного или негативного обобщения. Можно осуществить познавательную процедуру сложения разнонаправленных векторов внешней политики, условно обозначив их как «завоевание» и «оборона». В результате объективного анализа всего комплекса факторов определяется основной (итоговый) вектор, характеризующий исследуемый аспект истории данного государства. Очевидно, что во внешней военной политике в истории колониальных империй доминировал вектор завоевания и порабощения, а в истории России, как территориальной державы, – функция обороны. Г. Киссинджер признал: «Немногие страны в истории вели больше войн, чем Россия в вечном стремлении к сохранению своего статуса и безопасности» [Киссинджер URL].

Империи стремятся к четкому определению границ метрополии и колоний, что соответствует этапам становления этих форм государств – в начале освоение места формирования будущей метрополии, а уже затем экспансия и возникновение собственно империи. В своем известном очерке Г.П. Федотов дает следующее определение: «Империя – это экспансия за пределы длительно устойчивых границ, перерастание сложившегося, исторически оформленного организма» [Федотов 1952: 173]. Но на всех этапах тысячелетней истории России – от Киевской Руси до настоящего времени – шел незавершившийся до сих пор процесс определения этих самых «устойчивых границ»; также допустимо сказать, что Россия не достигла еще состояния «исторически оформленного организма». Россия – это относительно молодая цивилизация, которую корректнее сравнивать с Китаем и Индией, а не с близкими географически и культурно, но при этом иными по своему типу государствами-метрополиями Западной Европы. Речь о том, что с точки зрения геополитического подхода к типологии цивилизаций – талассократии (морские) и телурократии (континентальные) – Россия относится к территориальным державам наряду с уже сложившимися еще в эпоху Древнего мира цивилизациями Китая и Индии. Стоит признать, что, в сравнении с этими странами, история поставила перед Россией сверхзадачу освоения уникального «месторазвития», которое Х. Маккиндер назвал Heartland («срединная земля» – северо-восточная часть Евразии).

Утверждение о том, что во внешней политике России преобладал фактор обороны, обычно вызывает ироничное возражение – «Тогда каким образом сформировалась эта огромная континентальная держава?». Важное различие колониальных империй и территориальных держав выявляется, если учитывать соотношения условий и предпосылок их возникновения и существования. Границы колониальных империй, прежде всего, выступают результатом целенаправленной и многовариантной деятельности, тогда как в формировании пространства территориальных держав в большей степени проявляются объективные факторы. Примечательно, что Х. Маккиндер, геополитик и одновременно глубокий знаток географии, называет естественные границы, которые сами по себе предполагают возникновение на обширной территории хартленда территориальной державы: «Никакая социальная революция не изменит ее [России] отношения к великим географическим границам ее существования. Трезво понимая пределы своего могущества, правители России расстались с Аляской, ибо для русской политики является фактическим правилом не владеть никакими заморскими территориями, точно так же как для Британии – править на океанских просторах» [Маккиндер 2000: 735].

Итак, превращение восточно-европейского княжества Русь в евразийскую державу объясняется, прежде всего, объективными причинами, а не якобы присущей русским склонностью к экспансии, агрессии и порабощению малых народов. Разумеется, не стоит идеализировать историю России; этот объективный процесс формирования континентальной державы сопровождался негативными явлениями, в том числе по отношению к местному населению завоеванных и освоенных земель. Но общий вектор развития был направлен в сторону формирования не империи, а именно державы, в которой, по словам Г.П. Федотова, нерусские владения «составляют прямое продолжение ее материкового тела, а массив русского населения не отделен резкой чертой от инородческих окраин» [Федотов 1952: 186]. Речь идет не просто о пространственно-физическом существовании средних и малых народов рядом с титульной нацией, а именно о стремлении жить в одной стране. Прежде чем рационально-аналитическими методами исследовать сходства и различия культур и цивилизаций, ученым-гуманитариям целесообразно начать со знакомства с произведениями искусства и литературы исследуемой страны. Тогда выявятся трудно артикулируемые научным методом, но очевидные различия эйдосов (образа, смысла, духа) культур и цивилизаций. Например, в известных стихотворениях двух великих поэтов (А.С. Пушкина, «Памятник» и Р. Киплинга, «Бремя белого человека») ярко проявляется различие в восприятии территории и населения Российской и Британской империй.

Речь идет о фундаментальном отличии колониальных империй от территориальных держав с точки зрения архитектоники социально-политического пространства, что позволяет раскрыть тот способ, с помощью которого в общественное сознание внедрено мнение о «нормальности» (цивилизованности, демократичности и т. д.) истории западных стран и агрессивно-деспотическом характере российского государства. Г. Гадамер точно заметил, что один и тот же объект познания «может находиться в центре внимания или на периферии или просто представлять часть заднего плана» [Гадамер 1988: 136]. Все, что происходит в пределах державы, является органичной частью ее истории, поэтому так просто в противовес Британии или Франции назвать Россию «тюрьмой народов» или «империей зла». Суть же западноевропейской цивилизации в установлении четких пространственных и социальных границ и в обеспечении свободы и справедливости в их пределах. Сомнительно, что голландец, британец, француз воспринимают события, происходившие в колониях, органичной частью истории своей страны. Тогда как если от сталинских репрессий пострадали представители окраинных малых народов, то русский считает, что пострадали его соотечественники. В державах вся территория государства воспринимается как единое, но при этом не гомогенное пространство. По мнению Т. Мартина, СССР был «странной» империей, «империей положительной деятельности» [Мартин 2011: 10], что проявилось в акцентированном развитии национальных республик при существенной поддержке центра вплоть до фактов дискриминации титульного большинства. В целом словосочетания, характеризующие СССР в качестве «империи положительной деятельности» или «империи наоборот», являются оксюморонами; «квадрат наоборот» – это не квадрат, а круг; точно также «империя наоборот» – это не империя, а держава.

Одной из причин относительной длительности советского периода в истории страны было то, что чужеродная идеология коммунизма на несколько десятилетий вошла в унисон с некоторыми представлениями традиционного мировоззрения и была основой, пусть ложной, но все же идеократии. Тогда как утилитарная идеология либерализма дискредитировала себя за несколько лет, т. к. предполагала устранение идеократичности вообще, что было склонением российской цивилизации к суициду. Важно понять, что речь не идет только об идеалах «загадочной русской души», но и об объективных условиях физического самосохранения государства и его населения. В настоящее время наступило осознание того, что конституционный принцип идеологического многообразия не означает отсутствие государственной (национальной) идеи. Поэтому важно учитывать фундаментальное различие колониальных империй и территориальных держав по шкале, условно говоря, «идеализм – прагматизм». Идеологическую основу буржуазной колониальной политики откровенно и точно выразил политик и одновременно предприниматель С. Родс в своем известном афоризме: «Империя, я всегда говорил это, есть вопрос желудка». Если использовать эту «анатомическую» метафору в отношении России, то для нее державность – это вопрос всего «тела» страны и ее выживания в целом.

Несомненно, что с геополитической точки зрения Россия уже в XVI в. приобрела положение огромной территориальной державы, возникновение и существование которой предполагало наличие не только социально-экономических и политических условий, но и соответствующего мировоззренческого (в том числе и историсофского) определения места этого государства в мировой истории. Объединить на обширной территории многообразное в этническом, культурном, религиозном и т. д. аспектах население в одну страну было невозможно только на основе рационально-прагматичных идеологем. Поэтому для осознания негативных последствий использования концепта «империя» для характеристики российского государства необходимо рассматривать этот исторический факт в контексте общей тенденции вестернизации и секуляризации сознания образованной части общества, которая сопровождалась поспешным и некритическим использованием иностранных слов. Этот процесс не был формальным и нейтральным, а существенно препятствовал достижению отечественной элитой цивилизационной, в том числе и политической, самоидентификации.

Начавшийся в XVIII в. процесс активного заимствования западноевропейской политико-правовой культуры привел к тому, что многие исконно русские слова получили искаженный и даже противоположный смысл. Ф. Гиренок пишет: «С переводом на русский язык западных терминов начинается беспочвенность русского мышления. История интеллигенции» [Гиренок 1998: 34]. Так, роковое последствие имело отождествление западноевропейского абсолютизма с русским самодержавием. Абсолютизм соответствует этапу зарождения капитализма и национальных государств в компактных метрополиях Западной Европы, а российское самодержавие – это политическая форма

возникновения централизованной евразийской державы. Приняв термин «империя» для самоназвания, Россия оказалась как бы заложницей эволюции значения этого концепта в западноевропейском общественном сознании.

В Западной Европе в XVIII в. в концепте «империя» еще преобладали позитивные коннотации; империя ассоциировалась с религиозным единством, стабильностью и законностью в отношениях государей и их поданных [Левен 2007: 39]. Но в XIX в. у значительной части западных интеллектуалов начинает формироваться негативное отношение к империи как противоположности демократии и форме угнетения колониальных народов. Разумеется, русская интеллигенция с энтузиазмом включилась в эту пришедшую извне политическую полемику. Самодержавию вынесли «смертный приговор», в целом отождествив его с деспотизмом, а российскую державу назвали «тюрьмой народов». Речь не идет о том, что перед Россией не стояли проблемы демократизации политической системы и решения национальных вопросов. Но обсуждение этих проблем проходило в стиле, который В.О. Ключевский точно охарактеризовал так: «В знание уверовали прежде, чем успели овладеть им» [Ключевский 1993: 450]. Эту манеру вести возвышенно-абстрактные разговоры с восклицаниями «Так жить нельзя! Надо что-то менять!» без глубокого уяснения сути обсуждаемых вопросов раскрыли авторы известного сборника «Вехи»: «Консерватизм и косность в основном душевном укладе у нас соединялись со склонностью к новинкам, к последним европейским течениям, которые никогда не усваивались глубоко» [Бердяев 1991: 24].

Разумеется, в XVIII в. в условиях первичного этапа модернизации страны было трудно сохранить прежний концепт «Святая Русь» по причине европеизации сознания и речи представителей российской элиты. Но в большей степени природе российского государства, его геополитическому положению и целям развития соответствовал бы статус «Державная Россия». Стоит признать, что образ и цель, выраженные в словосочетании «Великая Россия», звучат возвышенно, но крайне неопределенно, что, возможно, косвенно и предопределило отсутствие должной последовательности, осторожности и целесообразности во внешней политике, которая, как известно, непосредственно влияла на внутреннее состояние страны. В словосочетании «Великая Россия» можно обнаружить скрытый плеоназм: в силу своего геополитического положения Россия не может не быть великой, она или великая, или ее нет. Происходит смешение необходимых условий и предпосылок существования государства с целью и смыслом его бытия. Всегда существует проблема: в процессе необходимого решения задач «Града земного» – не допустить обмирщения сознания в целом и не утратить идеократическую составляющую российской цивилизации. В настоящее время лишь «нащупывается» эта цель бытия Российского государства как охранителя традиционных ценностей. Формирование генеральной линии внешней политики Российской Федерации в направлении многополярного мира можно рассматривать как начало процесса геополитической самоидентификации России.

Тот факт, что в конце XX в. Россия оказалась в состоянии глубокого кризиса и опасности дезинтеграции объясняется тем, что вместе с идеологией либерализма невольно стала реализовываться архитектоника пространственной организации цивилизаций-метрополий – «процветающий центр и окраины, как источник процветания»; роль не просто центра страны, а метрополии стала играть Москва. В цивилизациях-державках столицы играют важную роль, что проявляется в их особом положении как центра обеспечения единства страны; но процветание столицы не было самоцелью, а символизировало благополучие всей державы. Указанный дисбаланс в последние полтора десятилетия пытаются устранить, но ситуация остается крайне опасной, прав В.Н. Синюков: «В новом веке в связи с укреплением вертикали власти, роль столичных структур в управлении государством вновь возросла; в сфере законодательства, федеративного его измерения, переключения финансовых потоков Москва опять стала «подменять» Россию» [Синюков 2010: 338].

В заключение укажем, что в данной статье в постановке вопроса о соотношении концептов «империя» и «державка» проявилось стремление обосновать необходимость преодолеть компилятивно-подражательный стиль развития России. Разумеется, иностранный политико-правовой опыт стоит изучать и знать, но признаком адекватного понимания этого опыта является, во-первых, осознание его не универсального, а особенного содержания, и, во-вторых, возникновение установки на «думанье своей головой». Заметим, что внесенный в 2020 г. комплекс поправок в Конституцию РФ 1993 г. необходимо рассматривать не только с содержательной точки зрения, но как возникновение принципиальной методологической установки на самостоятельное мышление. Важно понять, что процесс «думанья своей головой» предполагает погружение в историю и семантику родного языка.

Литература

- Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда / Вехи; Интеллигенция в России. Сб.ст. М., 1991.
- Гадамер Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988.
- Гиренок Ф. Пато-логия русского ума (Картография дословности). М., 1998.
- Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М., 2009.
- Генри Киссинджер: Чтобы понять Путина, надо читать Достоевского, а не Mein Kampf. URL: <http://www.russiapost.su/archives/96042>.
- Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в 3-х книгах. Кн. 2. М., 1993.
- Левен Д. Российская империя и ее враги. М., 2007.
- Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Маккиндер Х. Географическая ось истории / Политология: хрестоматия. М., 2000.
- Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923-1939. М., 2011.

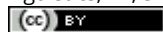
- Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. М., 2010.
Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001.
Федотов Г.П. Судьба империй / Г.П. Федотов Новый Град. Нью-Йорк, 1952.
Филин Ф.П. Очерки теории языкознания. М., 1982.

References

- Berdyayev, N.A. (1991). Philosophical truth and intellectual truth / Milestones; Intelligentsia in Russia. Sat.st. Moscow (in Russian).
- Gadamer, G. (1988). Truth and method. Fundamentals of philosophical hermeneutics. Moscow (in Russian).
- Girenok, F. (1998). Pathology of the Russian mind (Cartography of verbatim). Moscow (in Russian).
- Deleuze, J., Gwatari, F. (2009). What is philosophy? Moscow (in Russian).
- Henry Kissinger: To understand Putin, one must read Dostoevsky, not Mein Kampf. Available from: <http://www.russiapost.su/archives/96042> (in Russian).
- Klyuchevsky, V.O. (1993). Russian history. Full course of lectures in 3 books. Book. 2. Moscow (in Russian).
- Leven, D. (2007). Russian Empire and its enemies. Moscow (in Russian).
- Linguistic encyclopedic dictionary. (1990). Moscow (in Russian).
- Mackinder, H. (2000). Geographical axis of history / Political science: chrestomathy. Moscow (in Russian).
- Martin, T. (2011). The positive action empire. Nations and nationalism in the USSR. 1923-1939. Moscow (in Russian).
- Sinyukov, V.N. (2010). Russian legal system. Introduction to General Theory. Moscow (in Russian).
- Stepanov, Yu.S. (2001). Constants: Dictionary of Russian Culture. Moscow (in Russian).
- Fedotov, G.P. (1952). The fate of empires / G.P. Fedotov New City. New York (in Russian).
- Filin, F.P. (1982). Essays on the theory of linguistics. Moscow (in Russian).

Citation:

- Насыров Р.В. Негативные аспекты использования концепта «империя» для определения геополитической сущности Российского государства // Юрислингвистика. – 2022. – 24. – С. 5-10.
Nasyrov R.V. (2022). Negative Aspects of Using the Concept of "Empire" to Determine the Geopolitical Nature of the Russian State. Legal Linguistics, 24, 5–10.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Формирование категории «права женщин» в текстах международно-правовых актов

А.В. Головинов¹, Ю.В. Головинова²

¹*Алтайский государственный университет*

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: alex-golovinov@mail.ru

²*Алтайский государственный педагогический университет*

ул. Молодежная, 55, 656035, Барнаул, Россия. E-mail: yu.golovinova@mail.ru

В рамках представленной публикации проводится исследование механизмов закрепления и развития категории «права женщин» в действующей системе международно-правовых актов. Авторы указывают на ключевую роль Организации Объединенных Наций в области обеспечения и защиты женских прав. Потому генеральное значение для проведения в жизнь политики гендерного равенства и защиты прав женщин имеет нормотворческая функция ООН.

На основе герменевтического анализа конвенциональных актов предпринимается попытка показать позиции международного законодателя относительно содержания категории «права женщин» и тесно связанного с ней понятия «гендерное равенство».

Терминологический анализ исследуемых дефиниций показывает, что доктринально международный законодатель не рассматривал женские права в отрыве от мужских и предусмотрел конструкцию равных идентичных прав представителей обоих полов. Установлено, что в 1950-е гг. активно разрабатывались и принимались специализированные предписания для развития понятия «права женщин». Особое значение имеет Конвенция о политических правах женщин, принятая Генеральной Ассамблеей ООН.

Как итог в статье констатируется, что объем и содержание правового понятия «права женщин» формировались постепенно. Поступательно принимались конвенции и пакты в данной области, женщины были уравнены в правах с мужчинами. На пути к достижению гендерного равноправия в мировых масштабах международные акты предписывали государствам внедрять принципы равноправия мужчин и женщин в свои конституции и действующее законодательство.

Ключевые слова: гендерное равенство, Организация Объединенных Наций, права женщин, дискриминация, международно-правовые стандарты, международное право прав человека.

Development of the Category "Women's Rights" in the Texts of International Legal Acts

A.V. Golovinov, Yu.V. Golovinova

¹*Altai State University*

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: alex-golovinov@mail.ru

²*Altai State Pedagogical University*

55 Molodyozhnaya st., 656035, Barnaul, Russia. E-mail: yu.golovinova@mail.ru

The given publication presents a study of enshrining and development of the category of "women's rights" in the current system of international legal acts. The authors emphasize the key role of the United Nations in ensuring and protecting women's rights. Therefore, the norm-setting function of the UN is of general importance for the implementation of the policy of gender equality and the protection of women's rights.

On the basis of a hermeneutic analysis of conventional acts, an attempt is made to show the positions of the international legislator regarding the content of the category "women's rights" and the closely related concept of "gender equality".

Having made an attempt at a terminological analysis of the definitions under study, the authors have shown that, doctrinally, the international legislator has not considered women's rights in isolation from those of men and provided for the arrangement of equal identical rights of both sexes. It has been found that in the 1950s specialized regulations for the development of the concept of "women's rights" were actively developed and adopted. Of particular importance is the Convention on the Political Rights of Women adopted by the UN General Assembly.

As a result, the article states that progress in defining the concept and content of "women's rights" proceeded evolutionarily. Conventions and pacts in this area were progressively adopted, women were given equal rights with men. On the way to achieving gender equality on the global scale, international acts ordered states to bind the principles of equal rights for men and women in their constitutions and current legislation.

Key words: gender equality, United Nations, women's rights, discrimination, international legal standards, international human rights law.

В настоящее время на уровне международно-правового регулирования понятие и категория «права женщин» и тесно с ней связанная дефиниция «гендерное равенство» широко представлены в актах договорного характера, преимущественно разработанных под эгидой Организации Объединенных Наций (далее ООН). Триумфальное и масштабное апеллирование в международном законодательстве к терминологии, характеризующей идеал равенства полов, пришлось еще на период после Второй мировой войны.

На сегодня можно констатировать, что нормативное регулирование женских прав, закрепленных в международно-правовых стандартах, постоянно совершенствуется [Невежина 2018; Султонова 2019; Толстых 2021]. Потому обращение к терминологическому анализу неоднозначного содержания понятий «права женщин» и «гендерное равенство» как отражающих гуманистический подход мирового сообщества к обеспечению равноправия выступает актуальным [Cohen 2014; Cusack, Pusey 2013].

Чтобы адекватно определить горизонты исследуемых терминов, необходимо обратиться к историческому генезису включения понятия «права женщин» в букву международных правовых актов. И так, как известно, генеральное значение для проведения в жизнь политики гендерного равенства и защиты прав женщин имеет нормотворческая функция ООН. С 1945 года, то есть с самого момента образования этой авторитетной международной организации, помимо правотворчества за ООН закрепился и контрольный функционал, позволяющий проводить мониторинг добросовестного осуществления договорных обязательств, которые приняли на себя разнообразные государства.

Решительная борьба против гендерной асимметрии пришлась на начальный этап становления организации, ставящей своей целью мир во всем мире. К середине 1940-х гг. в ООН входило 51 национальное государство. Обращает на себя факт того, что только в 30 из них женщинам предоставлялись политические и, в частности, избирательные права. Потому уже на первых порах становления принципа гендерного равенства обнаружилось, что крен асимметрии тяготеет к уязвимому положению представительниц женского пола. Вопиющей оказалась ситуация, в которой женщины не могли наравне с мужчинами замещать государственные посты [Кротова 2007: 12]. Потому возникла объективная необходимость закрепления в международных документах категории «права женщин». Доктринально международный законодатель не рассматривал женские права в отрыве от мужских и предусмотрел конструкцию равных идентичных прав представителей обоих полов. Примечательно, например если мы обратимся к ст. 3 Устава ООН, то увидим самые первые универсальные международно-правовые положения о запрете дискриминации по половому признаку. В ракурсе всеобщего развития прав человека обозначалась и собственно роль ООН в международном сотрудничестве. Как следует из положений Устава Организации Объединенных Наций, роль эта раскрывается «в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия ..., пола...» (ст. 3) [Устав ООН 1999]. Как видим? категория «права женщин» напрямую связана с приоритетом прав человека и отрицанием любых дискриминирующих действий. Позднее, в 1948 году в знаменитом акте «Всеобщая декларация прав человека» окончательно закрепили и провозгласили «равенство всех людей от рождения в своем достоинстве и правах без какого-либо различия, в том числе и в отношении пола» (ст. 2) [Всеобщая декларация 1995].

В дальнейшем эксперты ООН неоднократно фиксировали неблагополучие в «женском вопросе». В частности, в то время была зафиксирована чуть ли не тотальная безграмотность женского населения. Данное обстоятельство расценивалось тормозом и срезным препятствием в деле эмансипации. К прочему, как замечает современный автор, женщины послевоенного периода получали лишь 1/10 от всех совокупных доходов и владели 1/10 от всей совокупной собственности [Агеева 2013: 9].

Конечно, отмеченные обстоятельства еще более подтолкнули ООН к развитию и конкретизации «прав женщин» в контексте права на образование, охрану семьи и материнства и широких экономических прав. Поступательная детализация конструкции прав представительниц женского пола стала кульминационной в 1960-е гг. Наконец женские права получили закрепление в целой группе документов.

Тотальное значение в этом смысле приобрели такие международно-правовые документы, как «Пакт о гражданских и политических правах», принятый шестнадцатого декабря 1966 года [Международный пакт 1986], а также «Пакт об экономических, социальных и культурных правах», действующий с девятнадцатого декабря 1966 г. [Международный пакт 1986]. Даже беглый герменевтический анализ этих универсальных договорных актов позволяет фиксировать недопустимость дискриминирующих действий на основе половых различий.

Таким образом, была создана целая база международно-правовых стандартов, которая логично включает в себя отмеченные международные пакты и Всеобщую декларацию прав человека.

Вместе с тем, в 1950-е гг. активно разрабатывались и принимались специализированные предписания для развития прав женщин. Особое значение имеет Конвенция о политических правах женщин, принятая Генеральной Ассамблеей ООН. Кстати, наше государство одним из первых приняло данный документ в правовую систему актом ратификации. Наряду с избирательным правом в системе политических прав представительниц прекрасной половины человечества закрепили возможность занимать должности на общественной и государственной службе. Продолжилось дальнейшее акцентирование запрета всякой дискриминации [Конвенция 1986].

В рамках последовательного развития законодательства о женских правах в 1957 году была принята Конвенция о гражданстве замужней женщины. Вполне понятно, что здесь категория «права женщин» коррелирует с институтом охраны семьи и материнства. Конвенция содержит три основных положения, касающиеся гражданства замужней женщины. Гражданство не подлежит автоматическому изменению при вступлении женщины в брак, расторжении брака или перемене гражданства мужем во время брака. Приобретение мужем гражданства другого государства не является препятствием для сохранения женой своего гражданства. Также жена-иностранка имеет право на получение гражданства своего мужа в специальном упрощенном порядке, если предоставление такого гражданства не противоречит интересам государственной безопасности или публичного порядка [Конвенция 1986].

Качественно новый этап в развитии категории и дефиниции «права женщин» пришелся на 1960-1970-е гг. Особо можно выделить Декларацию о ликвидации дискриминации в отношении женщин от 1967 года. Впоследствии рассматриваемый акт был преобразован в конвенциональный источник [Конвенция 1986].

В конвенции прямо закрепили понятие «дискриминация», в частности по отношению к женщинам. Как гласит ст. 1 Конвенции, «любое различие, исключение или ограничение по признаку пола, которое направлено на ослабление или сводит на нет признание, пользование или осуществление женщинами, независимо от их семейного положения, на основе равноправия мужчин и женщин, прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской и любой другой области» [Конвенция 1986].

В тексте данного документа понятие «права женщин» рассматривается традиционно в ключе взаимосвязи с антидискриминационными предписаниями. Так, ч. 3 ст. 2 Конвенции закрепляет «юридическую защиту прав женщин на равной основе с мужчинами». Впервые в нормативном содержании данного источника определили ликвидацию любых проявлений, причем даже латентных форм дискриминации. Анализируемый правовой акт можно считать знаменательным, так как была установлена юридическая ответственность государств, ратифицировавших Конвенцию. Такие гарантии явили самый первый очевидный пример и узаконения механизмов, и средств защиты всего комплекса прав.

Дальнейшие шаги и инициативы по достижению равенства полов и защите прав женщин пришлось уже на новое тысячелетие. В 2000 году ООН провел специальную сессию «Женщины в 2000 г.: равенство между мужчинами и женщинами, развитие и мир в XXI веке», прошедшую в Нью-Йорке в июне 2000 г. [Генеральная Ассамблея URL]. В последующие годы Комиссией по положению женщин проводились ежегодные сессии, на которых оценивался ход работы по укреплению правового статуса женщины в социуме. Так, в ходе 59-й сессии Комиссии в марте 2015 г. в Нью-Йорке была принята Политическая декларация по случаю двадцатой годовщины четвертой Всемирной конференции по положению женщин, в которой правительства государств – участников сессии обязуются ускорить осуществление и полную эффективную реализацию Пекинской декларации и Платформы действий.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что со второй половины XX в. в мировом сообществе получил развитие процесс разработки правовых актов в области защиты прав женщин. Прогресс в деле определения понятия и содержания «права женщин» протекал эволюционно. Поступательно принимались конвенции и пакты в данной области, женщины были уравнены в правах с мужчинами. На пути движения к достижению гендерного равноправия в мировых масштабах международные акты предписывали государствам внедрять принципы равноправия мужчин и женщин в свои конституции и действующее законодательство.

Литература

Cohen D. Domestic Violence on the World Stage: Using International Standards as a Framework for Change in United States / *Journal on Gender, Race and Justice*. – 2014. – Vol. 4. 1. 1. Pp. 46-50.

Cusack S., Pusey L. Cedaw and the rights to non-discrimination and equality / *Melbourne Journal of International Law*. – 2013. – Vol. 14. – No. 1. – Pp. 56-60.

Агеева А.В. Международные правовые стандарты и проблемы защиты прав женщин / *Современные научные исследования: теория, методология, практика*. – 2013. – №3 (3). – Т.1. – С. 9-12.

Всеобщая декларация прав человека / *Российская газета*. – 1995. – 5 апр. – С.10-21.

Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций. Специальные сессии. URL: <http://www.un.org/ru/ga/sessions/special.shtml#22spec>

Конвенция о гражданстве замужней женщины / *Права человека. Сборник международных документов*. М., 1986. С. 18-28.

Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин / *Права человека. Сборник международных документов*. М., 1986. С. 126-144.

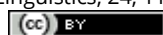
- Конвенция о политических правах женщин / Права человека. Сборник международных документов. М., 1986. С. 122-126.
- Кротова Н.В. ООН и проблема международно-правовой защиты женщин / Гражданин и право. – 2007. – № 11. – С. 10-12.
- Международный пакт о гражданских и политических правах / Права человека. Сборник международных документов. М., 1986. С. 45-73.
- Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах / Права человека. Сборник международных документов. М., 1986. С. 30-45.
- Невежина М.В. Гендерная дискриминация в сфере труда: опыт борьбы на международном уровне / Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – №3 (70). – С. 42-74.
- Султонова А.Р. Гендерное равенство как фактор устойчивого развития мирового сообщества / European science. – 2019. – №4 (46). – С. 67-71.
- Толстых В.Л. COVID-19 и международное право: общие вопросы. / Московский журнал международного права. – 2021. – №3. – С. 45-62.
- Устав Организации Объединенных наций от 26 июня 1945 г. / Международные акты о правах человека. Сборник документов / Сост. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашина. М., 1999. С. 30-38.

References

- Ageeva, A.V. (2013). International legal standards and problems of protection of women's rights. Modern scientific research: theory, methodology, practice, 3 (3), 1, 9-12 (in Russian).
- Universal Declaration of Human Rights (1995). Rossiyskaya Gazeta, April 5, 10-21 (in Russian).
- General Assembly of the United Nations. Special sessions. Available from: <http://www.un.org/ru/ga/sessions/special.shtml#22spec> (in Russian).
- Nevezhina, M.V. (2018). Gender Discrimination in the Sphere of Work: Experience of Struggle at the International Level. Journal of Foreign Legislation and Comparative Law, 3 (70), 42-74 (in Russian).
- Krotova, N.V. (2007). UN and the problem of international legal protection of women. Citizen and Law, 11, 10-12 (in Russian).
- Sultonova, A.R. (2019). Gender equality as a factor in the sustainable development of the world community. European science, 4 (46), 67-71 (in Russian).
- Tolstykh, V.L. (2021). COVID-19 and international law: general issues. Moscow Journal of International Law, 3, 45-62 (in Russian).
- Charter of the United Nations of June 26, 1945. International Human Rights Acts. Collection of documents (1999). Comp. V.A. Kartashkin, E.A. Lukashin. Moscow, 30-38 (in Russian).
- International Covenant on Civil and Political Rights (1986). Human Rights. Collection of international documents. Moscow 45-73 (in Russian).
- International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (1986). Human Rights. Collection of international documents. Moscow, 30-45 (in Russian).
- Convention on the Political Rights of Women (1986). Human Rights. Collection of international documents. Moscow, 122-126 (in Russian).
- Convention on Citizenship of a Married Woman (1986). Human Rights. Collection of international documents. Moscow, 18-28. (in Russian).
- Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women (1986). Human Rights. Collection of international documents. Moscow, 126-144 (in Russian).
- Cohen, D. (2014). Domestic Violence on the World Stage: Using International Standards as a Framework for Change in United States. Journal on Gender, Race and Justice, 4. 1. 1., 46-50.
- Cusack, S., Pusey, L. (2013). Cedaw and the rights to non-discrimination and equality. Melbourne Journal of International Law, 14, 1, 56-60.

Citation:

- Головинов А.В., Головинова Ю.В. Формирование категории «права женщин» в текстах международно-правовых актов // Юрислингвистика. – 2022. – 24. – С. 11-14.
- Golovinov A.V., Yu.V. Golovinova (2022). Development of the Category "Women's Rights" in the Texts of International Legal Acts. Legal Linguistics, 24, 11-14.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

О понятии «допинг» и уголовной ответственности за его применение¹

Е.Ю. Коваленко¹, Н.В. Тыдыкова²

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹ekov@mail.ru, ²academnauka@rambler.ru

Статья посвящена исследованию понятия «допинг» в российском праве и международных актах. Определена важность данного вопроса как для внутрироссийского, так и для международного законодательства. Приводятся и анализируются как научные, так и законодательные определения исследуемого понятия. Авторы приходят к выводу о том, что существующая критика уже имеющихся определений, а также постоянное развитие технологий требуют исследований для формулирования новых актуальных понятий. Исследованы два состава преступлений, установившие уголовную ответственность за некоторые действия, совершаемые с веществами и методами, запрещенными для использования в спорте. Критикуя элементы этих составов преступлений, авторы доказывают, что для формирования корректной и единообразной практики их применения необходимо внести ряд изменений в исследуемые составы. Анализируется критика признаков предмета и потерпевшего в исследуемых составах. Отмечается, что сложности для квалификации представляют признаки субъекта этих преступлений ввиду неопределенности его признаков. Сформулировать конкретные предложения по кругу специальных субъектов в настоящее время можно лишь в ключе вероятностных предположений и рекомендаций, так как отсутствует сложившаяся судебная практика. Также отмечается непродуманность вопроса о дифференциации уголовной ответственности за исследуемые деяния в зависимости от наличия или отсутствия квалифицирующих признаков. Высказано предложение о дополнении одного из составов новыми квалифицирующими признаками. Дается оценка предложений других авторов по совершенствованию диспозиций исследованных норм, определению их места в УК РФ и дополнению действующего УК РФ новым составом преступления, посягающим на аналогичные общественные отношения.

Ключевые слова: допинг, спорт, уголовная ответственность, вещества и методы, запрещенные в спорте, спортивное право.

On the Definition of Doping and Criminal Liability for its Use

E.Y. Kovalenko¹, N.V. Tydykova²

¹Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹ekov@mail.ru, ²academnauka@rambler.ru

The article covers the study of the concept of “doping” in Russian law and international acts. The importance of this issue for both domestic and international legislation is recognized. Both scientific and legislative definitions of the concept under study are given and analyzed. The authors come to the conclusion that the existing criticism of current definitions, as well as the constant development of technologies, require research to formulate new relevant concepts. Two corpora delicti have been studied, both of them established criminal liability for certain actions performed with substances and by means of methods prohibited for use in sports. Through criticism of the elements of these offenses, the authors prove that in order to form a correct and uniform practice of their application, it is necessary to make a number of changes to the studied offenses. The criticism of the elements of the object and the victim in the studied corpora delicti is analyzed. It is noted that the

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00053 А «Правовое регулирование спортивных отношений в Российской Федерации» / Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00053 A “Legal regulation of sports relations in the Russian Federation”.

characteristics of the subject of these crimes pose difficulties for qualification due to the uncertainty of its characteristics. At present, it is possible to formulate specific proposals in regards to special subjects only in terms of probabilistic assumptions and recommendations, since there is no established judicial practice. It is also noted that the issue of differentiating criminal liability for the actions under study, depending on the presence or absence of qualifying factors is premature. A proposal was made to supplement one of the corpora with new qualifying factors. An assessment is made of the proposals of other authors on improving the dispositions of the studied norms, determining their place in the Criminal Code of the Russian Federation and supplementing the current Criminal Code of the Russian Federation with a new corpus delicti that encroaches on similar social relations.

Key words: doping, sports, criminal liability, substances and methods prohibited in sports, sports law.

В настоящее время борьба с допингом является одной из самых актуальных проблем спорта, так как его использование приводит к негативным для здоровья спортсменов последствиям, к созданию неравных условий в достижении спортивного результата, к нанесению ущерба престижу страны и команды, спорту в целом.

В международном спортивном движении долгое время официального определения понятия «допинг» не было. Считалось, что давать определение «допинга» не обязательно, достаточно только иметь список запрещенных препаратов. Однако с увеличением количества наименований этих препаратов стала очевидной необходимость их классификации, а для составления классификации и перечня допинговых веществ важно установить границы, в пределах которых то или иное вещество следует считать допингом. Такие границы устанавливаются в общей форме определением понятия «допинг». Потребность в формулировании этого понятия явилась причиной создания первых его определений в документах международного спортивного движения [Любимова 2016: 48].

Статья 26 Федерального закона от 04.12.2007 N 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» под допингом в спорте предлагает понимать нарушение антидопингового правила, в том числе использование или попытку использования субстанции и (или) метода, включенных в перечни субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте. Перечни утверждены Приказом Минспорта России от 15.11.2021 N 893 «Об утверждении перечней субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте».

Всемирный антидопинговый кодекс определяет допинг как совершение одного или нескольких нарушений антидопинговых правил, приведенных в статьях 2.1–2.11 кодекса. При этом список нарушений антидопинговых правил достаточно широк. К нарушениям антидопинговых правил относятся, в частности: наличие запрещенной субстанции, или ее метаболитов, или маркеров в пробе, взятой у спортсмена; использование или попытка использования спортсменом запрещенной субстанции или запрещенного метода; уклонение, отказ или неявка на процедуру сдачи проб; нарушение порядка предоставления информации о местонахождении; фальсификация или попытка фальсификации в любой составляющей допинг-контроля; обладание запрещенной субстанцией или запрещенным методом; распространение или попытка распространения любой запрещенной субстанции или запрещенного метода; назначение или попытка назначения любому спортсмену в соревновательном периоде запрещенной субстанции или запрещенного метода, или назначение или попытка назначения любому спортсмену во внесоревновательном периоде запрещенной субстанции или запрещенного метода, запрещенных во внесоревновательный период.

Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте в ч. 3 ст. 2 устанавливает, что нарушение антидопингового правила в спорте означает одно или несколько следующих перечисленных нарушений. Перечень схож с тем, что приводится во Всемирном антидопинговом кодексе.

На первый взгляд может показаться, что определение, даваемое Федеральным законом от 04.12.2007 N 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» существенно уже, но в ч. 3 ст. 16 перечислены нарушения, которые являются нарушением антидопингового правила. Они сходны с теми, что называют вышеперечисленные акты.

В литературе отмечается, что правила, касающиеся допинга как материального понятия (запрещенные вещества и методы), несмотря на большую конкретность, зачастую носят оценочный характер, что особенно ярко проявляется в выдаче разрешения на терапевтическое использование [Павлов 2018: 12]. Также отмечается, что понятие допинга значительно серьезнее, нежели просто «фармакологические субстанции», так как существуют и наркотические средства, используемые в качестве допинга [Прохорова 2019: 5].

Некоторые авторы предлагают свои определения. Например, допинг – это органическое или неорганическое вещество в твердом, жидком или газообразном состоянии, введенное в организм спортсмена любым путем – перорально, ректально, путем внутривенных или внутримышечных инъекций, через кожу и др., обеспечивающее повышение спортивного результата сверх норм, характерных для средств и методов тренировочного процесса, вред здоровью спортсмена как при однократном, так и при постоянном использовании с превышением установленных медицинской наукой норм дозировки [Евсеев 2016: 10]. Но и подобные авторские определения также получают серьезную критику по ряду оснований: допинг используется не только в отношении людей, но и в отношении животных, допинг не всегда связывается с вводимым в организм веществом, но может быть связан с запрещенными методами, вводимое вещество не всегда является чуждым спортсмену, но способно вызвать определенные колебания в организме и, тем самым, привести к повышению спортивного результата незаконным способом [Литовченко 2020: 200].

Также следует учесть и то, что технологии, в том числе медицинские, постоянно совершенствуются, что приводит к созданию новых веществ или методов применения уже существующих, что диктует необходимость постоянного мониторинга для коррекции и поддержания существующих определений на актуальном уровне.

В современных реалиях проблема борьбы с допингом приобрела правовой характер, в законодательстве РФ предусмотрено несколько видов юридической ответственности в данной сфере: дисциплинарная, гражданско-правовая, административная и уголовная.

Уголовный кодекс РФ содержит две статьи об ответственности за использование субстанций и (или) методов, запрещенных в спорте. Статья 230.1 УК РФ устанавливает ответственность за склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, а статья 230.2 УК РФ – за использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте. Пятилетний период существования этих норм позволил осуществить их теоретический анализ и выявить ряд проблем.

Анализ любого состава УК РФ традиционно начинается с характеристики его объекта. Так как указанные статьи расположены в главе, аккумулирующей составы преступлений, посягающие на здоровье населения и общественную нравственность, то и их объектом следует определить именно эти общественные отношения. В литературе такой подход подвергся критике по различным основаниям, но так как подобрать этим составам альтернативное место расположения в УК авторы не смогли, то было высказано предложение о формировании новой главы УК, нормы которой обеспечивали бы охрану общественных отношений, выступающих предметом формирующихся в настоящее время отраслей российской системы права – медицинское право и спортивное право [Титлова 2021: 29]. Думается, что это предложение хоть и преждевременно в силу неформальности спортивного [Коваленко 2021: 180] и медицинского права в отрасли и спорности их статуса в качестве самостоятельных отраслей российского права, однако представляет серьезный интерес и далеко идущую перспективу.

Что касается предмета этих преступлений, то видно, что термин «допинг» не используется российским законодателем в тексте уголовного закона, что видится вполне оправданным, так как предмет этих преступлений действительно уже, чем понимание термина в спортивном законодательстве.

В соответствии с примечанием к ст. 230.1 УК РФ перечень субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для целей названных статей утверждается Правительством РФ. В настоящее время действует Постановление Правительства РФ от 28.03.2017 N 339 «Об утверждении перечня субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для целей статей 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации». В литературе содержание этого подзаконного акта получило серьезную критику по причине его сегментарного характера, в результате чего склонение к использованию некоторых субстанций, которые по нормам международного и российского права относятся к запрещенным, такими с позиции рассматриваемых составов преступлений не признаются. Решением проблемы, по мнению критиков, стала бы иная редакция примечания: «субстанции и (или) методы, запрещенные для использования в спорте, для целей исследуемых статей содержатся в Запрещенном списке Всемирного антидопингового агентства» [Кухарук 2018: 50]. Думается, что и критика, и сформулированное предложение являются весьма разумными.

Также отмечается, что само ключевое понятие «субстанция» не раскрывается ни в одном международном документе, что позволяет наполнять это понятие разным содержанием [Иванова 2016: 98-99].

У ряда авторов претензия к законодателю возникает в связи с определением потерпевшего в рассматриваемых составах преступлений. В диспозициях рассматриваемых норм используется термин «спортсмен». Содержание этого понятия раскрывается в Федеральном законе от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». Под спортсменом понимается физическое лицо, занимающееся определенным видом или видами спорта и выступающее на спортивных соревнованиях. Высказывается совершенно обоснованное мнение, что для того, чтобы общественная опасность таких действий была достаточной для признания их преступными, стоит криминализировать только такие действия, которые совершаются в сфере спорта высших достижений [Юртаев 2020: 15]. Однако другие авторы высказывают противоположную позицию и утверждают, что законодательное определение и так трактует «спортсмена» слишком узко. Под спортсменом в исследуемой статье они предлагают понимать как профессионала, так и любителя [Сулейманова 2017: 75].

Также отмечаются и другие проблемы субъекта этих преступлений. Исследователи отмечают, что существующие составы преступлений не предполагают ответственность за склонение спортсмена другим спортсменом или за склонение со стороны продавца спортивного питания или врача общей практики к употреблению запрещенных субстанций и (или) методов, так как субъектом является только тренер или иной специалист. В связи с этим предлагается установить уголовную ответственность по этому составу преступления для общего субъекта преступления [Савельева 2019: 141; Пешков 2018: 68; Сафин 2021: 165].

Сложности для квалификации вызывает и такой субъект, как специалист по спортивной медицине. Некоторые авторы отмечают, что нельзя говорить о том, что весь медицинский персонал, оказывающий медицинскую помощь спортсменам, относится к субъектам физической культуры и спорта, которые обязаны соблюдать Общероссийские антидопинговые правила и каким-либо образом заинтересованы в спортивных достижениях спортсменов. Приказом Минздрава России от 01.03.2016 № 134н «О порядке оказания медицинской помощи лицам, занимающимся физической культурой и спортом» установлено, что функции предотвращения допинга и борьбы с ним непосредственно осуществляет определенный медицинский работник – врач по спортивной медицине. Он становится субъектом рассматриваемых преступлений лишь в том случае, когда он в силу занимаемой должности принимает специфические спортивные правила (антидопинговые правила) в качестве обязательных для соблюдения.

Такое решение может выражаться, например, в официальном участии в составе сборной спортивной команды либо в согласии о назначении на должность врача по спортивной медицине или на иную должность, предусматривающую обязанность соблюдения им законодательства о физической культуре и спорте [Машугина 2021: 75]. Однако это лишь предположение о том, как норма должна применяться. Ввиду того, что в настоящее время отсутствует сложившаяся судебная практика применения исследуемых составов, нет никаких разъяснений Верховного Суда РФ по таким вопросам, дать оценку этой позиции представляется сложным. Но нельзя не отметить разумность приводимых доводов и их соответствие сложившимся в теории квалификации преступлений подходам, в том числе по определению признаков специального субъекта преступления.

Исследователями отмечается и игнорирование законодателем опасности таких действий, как распространение субстанций, запрещенных для использования в спорте, и их применение [Хиневич 2019: 152]. Предлагается внести в УК РФ ст. 230.3 «Распространение субстанций, запрещенных для использования в спорте». Авторы идеи видят целесообразным выделить в ней в качестве первой части совершение противоправных деяний лицами, относящимися к категории «иные лица», а в качестве квалифицированного состава определить специальный субъект – «спортивный тренер или медицинский работник». Также предлагается закрепить в примечании к такой статье понятие «распространения» как «систематической возмездной или безвозмездной передачи другим лицам (продажа, дарение, обмен, уплата долга, дача займы)» [Биналиев 2020: 88]. Думается, что для такого решения необходимы дополнительные исследования, в том числе для обоснования общественной опасности такого деяния. В частности, необходимо учесть, что использование таких субстанций и методов признается допустимым при определенных условиях.

Нельзя не упомянуть и проблему, связанную с санкциями ч. 3 ст. 230.1 и ч. 2 ст. 230.2 УК РФ. Эти преступления относятся к категории небольшой тяжести, но, так как использование допинга может привести к смерти спортсмена или повлечь иные тяжкие последствия, отдельные авторы обоснованно предлагают отнести их к категории тяжких преступлений и сформулировать соответствующую санкцию [Степанов 2019: 123-124].

Также обращает на себя внимание отсутствие в конструкции статьи 230.2 УК РФ системы квалифицирующих признаков как в ст. 230.1 УК РФ. В литературе отмечается, что некоторые из них необходимы для дифференциации уголовной ответственности и определения справедливого наказания. Так, использование в отношении спортсмена, запрещенных веществ может производиться группой лиц по предварительному сговору, также запрещенные вещества могут использоваться в отношении несовершеннолетнего или в отношении двух или более лиц [Мурашкин 2021: 830].

Таким образом, выявленные проблемы требуют проведения дополнительных исследований для того, чтобы стало возможным как скорректировать само понятие допинга, так и сформулировать качественные с позиции законодательной техники нормы об уголовной ответственности за использование допинга в спорте.

Литература

- Биналиев А.Т., Тащиян А.А.* Вопросы уголовной ответственности за организацию, распространение и применение субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте / Юристы-Правоведь. - 2020. - № 2 (93). - С. 84-88.
- Евсеев С.П.* Критический анализ базовых понятий Всемирного антидопингового кодекса, определяющего всю методологию борьбы с допингом / Культура физическая и здоровье. - 2016. - № 5 (60). - С. 3-12.
- Иванова Е.В., Соколова Т.П.* Наркотики и допинг: понятия и регламентация / Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. - 2016. - № 24 (245). - С. 98-104.
- Коваленко Е.Ю., Тыдыкова Н.В., Шавандина О.А.* Спортивное право в системе отраслей российского права / Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. - 2021. - № 2 (18). - С. 174-181.
- Кухарук В.В.* Субстанции и (или) методы, запрещенные для использования в спорте, в уголовном законе / Право и политика. - 2018. - № 5. - С. 42 - 51.
- Литовченко В.В.* К вопросу о юридической ответственности за допинговые преступления / Право и государство: теория и практика. - 2020. - № 12 (192). - С. 199-201.
- Любимова А.С.* К вопросу об определении понятия «допинг» / Современные тенденции развития науки и технологий. - 2016. - № 3-8. - С. 48-50.
- Машугина Е.В., Власов П.Е.* О толковании понятия «специалист по спортивной медицине» при определении круга субъектов административных правонарушений и преступлений, связанных с использованием допинга в спорте / Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. - 2021. - № 3 (59). - С. 74-78.
- Мурашкин К.И.* Уголовная ответственность за применение допинга в спорте: проблемные моменты и пути их решения / Современные подходы к обеспечению и реализации прав человека: теоретические и отраслевые аспекты: сборник материалов Ежегодной всероссийской научно-практической конференции. - 2021. - С. 828-834.
- Павлов В.И.* Современная трактовка понятия «допинг» - проблемы и противоречия / Вестник Российской правовой академии. - 2018. - № 4. - С. 11-15.
- Пешков Д.В.* К вопросу о квалификации преступления, предусмотренного ст. 230.2 УК РФ / Инновационная наука. - 2018. - № 3. - С. 65-69.

- Прохорова М.Л., Полтавец В.В., Иликбаева Е.С. Уголовно-правовое определение понятия «допинг» / Наркоконтроль. - 2019. - № 2. - С. 3-7.
- Савельева К.В., Кормилицын Ю.В. Основные проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 230.1 Уголовного кодекса Российской Федерации / Устойчивое развитие науки и образования. - 2019. - № 3. - С. 138-143.
- Сафин А.Х., Балаев И.И. Уголовная ответственность за склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте: проблемы и перспективы / Скиф. Вопросы студенческой науки. - 2021. - № 9 (61). - С. 162-166.
- Степанов И.В., Никишкин А.В., Вашкевич А.В. Актуальные вопросы склонения спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных в спорте (ст. 230.1 УК РФ) / Юридическая наука: история и современность. - 2019. - № 5. - С. 120-124.
- Сулейманова С.Т., Сомов Д.В. Уголовная ответственность за склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте / Наука. Общество. Государство. - 2017. - Т. 5. № 3 (19). - С. 72-78.
- Титлова Д.В. Сущность объекта уголовно-правовой охраны составов допинговых преступлений / Вестник Югорского государственного университета. - 2021. - № 2 (61). - С. 23-30.
- Хиневич К.И. Проблемы предупреждения склонения спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте (допинг) / Вестник Московского университета МВД России. - 2019. - №6. - С. 151-154.
- Юртаев Д.В. Уголовная ответственность за использование субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте / Юридический факт. - 2020. - № 115. - С. 14-16.

References

- Binaliev, A.T., Tashchiyan, A.A. (2020). Issues of criminal prosecution for the organization, distribution and use of substances and (or) methods prohibited for use in sports. *Yurist-Pravoved*, 2 (93), 84-88 (in Russian).
- Evseev, S.P. (2016). Critical analysis of the basic concepts of the World Anti-Doping Code, compliance with the entire methodology of the fight against doping. *Cultural production and health*, 5 (60), 3-12 (in Russian).
- Ivanova, E.V., Sokolova, T.P. (2016). Drugs and doping: concepts and regulation. *Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Right*, 24 (245), 98-104 (in Russian).
- Khinevich, K.I. (2019). Problems of eliminating the athlete's inclination to random substances and (or) methods prohibited for use in sports (doping). *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 6, 151-154 (in Russian).
- Kovalenko, E.Yu., Tydykova, N.V., Shavandina, O.A. (2021). Sports law in the system of Russian rights. *Bulletin of the Kemerovo State University. Series: Humanities and social sciences*, 2 (18), 174-181 (in Russian).
- Kuharuk, V.V. (2018). Substances and (or) methods prohibited for use in sports, in criminal law. *Law and Politics*, 5, 42-51 (in Russian).
- Litovchenko, V.V. (2020). To the question of legal cases for doping incidents. *Law and State: Theory and Practice*, 12 (192), 199-201 (in Russian).
- Lyubimova, A.S. (2016). On the issue of discussing the concept of "doping". *Modern discussion of the development of science and technology*, 3-8, 48-50 (in Russian).
- Mashugina, E.V., Vlasov P.E. (2021). On the interpretation of the concept of "specialist in sports medicine" when choosing circles, offenses and violations associated with the use of doping in sports are singled out. *Bulletin of the All-Russian Institute for the Study of Internal Affairs of the Russian Federation*, 3 (59), 74-78 (in Russian).
- Murashkin, K.I. (2021). Criminal liability for the use of doping in sports: problematic moments and ways to solve them. *Modern approaches to the study and implementation of human rights: theoretical and sectoral aspects: a collection of the Annual All-Russian Scientific and Practical Conference*, 828-834 (in Russian).
- Pavlov, V.I. (2018). Modern interpretation of the concept of "doping" - problems and problems. *Russian Tuberculosis Academy*, 4, 11-15 (in Russian).
- Peshkov, D.V. (2018). On the issue of qualifications under Art. 230.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Innovative science*, 3, 65-69 (in Russian).
- Prokhorova, M.L., Poltavets, V.V., Ilikbaeva, E.S. (2019). Criminal-legal definition of the concept of "doping". *Narcocontrol*, 2, 3-7 (in Russian).
- Safin, A.Kh., Balaev, I.I. (2021). Criminal liability for the athlete's inclination to alleged substances and (or) methods prohibited for use in sports: problems and prospects. *Skif. Issues of student science*, 9 (61), 162-166 (in Russian).
- Savelyeva, K.V., Kormilitsyn, Yu.V. (2019). The main problems of qualification under Art. 230.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Sustainable development of science and education*, 3, 138-143 (in Russian).
- Stepanov, I.V., Nikishkin, A.V., Vashkevich, A.V. (2019). Topical issues of inducing an athlete to the case of substances and (or) methods prohibited in sports (Article 230.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Legal Science: History and Modernity*, 5, 120-124 (in Russian).
- Suleymanova, S.T., Somov, D.V. (2017). Criminal liability for inducing an athlete to random substances and (or) methods prohibited for use in sports. *Science. Society. State*, V. 5, 3 (19), 72-78 (in Russian).
- Titlova, D.V. (2021). The essence of the object of criminal law protection Bulletin of the doping crimes. *Bulletin of the Yugorsk State University*, 2 (61), 23-30 (in Russian).

Yurtaev, D.V. (2020). Criminal liability for the use of substances and (or) methods prohibited for use in sports. Legal fact, 115, 14-16 (in Russian).

Citation:

Коваленко Е.Ю., Тыдыкова Н.В. О понятии «допинг» и уголовной ответственности за его применение // Юрислингвистика. – 2022. – 24. – С. 15-20.

Kovalenko E. Y., Tydykova N.V. (2022). On the Definition of Doping and Criminal Liability for its Use. Legal Linguistics, 24, 15–20.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Употребление категорий «содействие» и «склонение» как средство формирования режима благоприятствования примирению в цивилистическом процессе

Е.И. Тимофеев

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: evg.igor.timofeev@gmail.com

В статье рассматривается вопрос становления и развития режима благоприятствования примирению в отечественном цивилистическом процессе через призму функционального предназначения и задач суда. Отмечается важное значение категориального аппарата, создающего общую направленность режима. На основе анализа законодательства и правоприменительной практики проводится сравнение категорий «содействие» и «склонение» к примирению. Раскрыта взаимосвязь между указанными терминами и законодательными конструкциями, воплощающими их в полномочиях суда. Выделяются проблемы реализации режима благоприятствования примирению на фоне содействующей роли суда в примирении сторон спора. Предлагаются рекомендации по совершенствованию действующего процессуального законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: процессуальные режимы, примирение, благоприятствование примирению, задачи судопроизводства, эффективность судопроизводства.

The Use of the Categories "Assistance" and "Inducement" as a Means of Forming a Reconciliation Favoring Regime in the Civil Process

E.I. Timofeev

Altai State University

61 Lenin St. , 656049, Barnaul, Russia. E-mail: evg.igor.timofeev@gmail.com

The article examines the issue of the formation and development of a regime favoring reconciliation in the domestic civil process through the prism of the functional purpose and tasks of the court. The importance of the categorical apparatus, which creates the general slant of the regime, is noted. Based on the analysis of legislation and law enforcement practice, the categories of "assistance" and "inducement" to reconciliation are compared. The relationship between these terms and legislative structures embodying them in the powers of the court is revealed. The problems of implementing the regime of favoring reconciliation are highlighted against the background of the court's facilitating role in the reconciliation of the parties to the dispute. Recommendations on improving the current procedural legislation and law enforcement practice are offered.

Key words: procedural regimes, reconciliation, facilitation of reconciliation, tasks of judicial proceedings, efficiency of judicial proceedings.

Характер споров, рассматриваемых в гражданском порядке, предопределяет возможность их исчерпания путем мирного урегулирования участниками. Принимая во внимание больший положительный эффект от примирения сторон, который достигается через экономию временных, финансовых и административных ресурсов сторон конфликта и государства, последнее всячески благоприятствует примирению. В п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» отмечается, что достижение

наиболее скорого примирения ведет к достижению цели гражданского судопроизводства наиболее экономичным способом [Постановление Пленума Верховного Суда РФ 2008]. В связи с этим в законодательстве и правоприменительной практике сложился особый режим благоприятствования примирению.

Целью данного режима в цивилистическом процессе является создание оптимального баланса между публичной судебной деятельностью по рассмотрению и разрешению гражданских дел, и частной диспозитивной деятельностью заинтересованных лиц по урегулированию их спора в мирном порядке. Результат применения режима показывает низкую эффективность примирительных процедур. Исходя из сводных статистических сведений о деятельности федеральных арбитражных судов за 1 полугодие 2021 года, из 797 188 дел, рассмотренных арбитражными судами по первой инстанции в первом полугодии 2021 г., было прекращено в связи с подписанием мирового соглашения 15 714 дел, что составляет 1,97%. Из 10 676 581 искового гражданского дела, оконченного судами общей юрисдикции за аналогичный период, лишь 354 дела было прекращено в связи с урегулированием споров путем проведения процедуры медиации и судебного примирения, что составляет 0,0033% (в статистике не учтены дела, прекращенные мировым соглашением в результате переговоров) [Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ 2021]. На сегодняшний день в условиях явного преобладания количества дел, разрешенных судами без применения примирительных процедур над делами, законченными миром, требуется увеличение количества последних.

Несоответствие поставленных целей режима его результатам в виде низкого процента применения примирительных процедур свидетельствует о неэффективности применяемых режимных средств.

Гражданское процессуальное законодательство Российской Федерации выстраивает систему исключительно вспомогательных мер, направленных на создание «режима наибольшего благоприятствования» для поиска компромисса, но не регулирует сам поиск [Попов 2007: 11]. Согласно п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» задача судьи в этой части состоит: в разъяснении сторонам преимуществ окончания дела миром; в разъяснении порядка утверждения мирового соглашения и юридической силы соответствующего определения суда; в соблюдении процедуры утверждения мирового соглашения [Постановление Пленума Верховного Суда РФ 2008]. Данные полномочия предполагают максимальную отстраненность суда от процедуры примирения.

Термин «содействие», используемый для характеристики действий суда в части примирения, предполагает отсутствие любой его инициативы в возбуждении интереса у сторон к примирению. Под содействием в данном случае необходимо понимать помощь, поддержку в чем-либо [Словарь русского языка 1999: 180]; деятельное участие в чьих-нибудь делах с целью облегчить, помочь, поддержать в какой-нибудь деятельности [Ожегов URL]. При этом не применимо к действиям суда определение содействия как совместного действия, соучастия в связи с характером процессуальных правоотношений, ролью и функциями суда [Викисловарь URL].

В то же время в дореволюционном законодательстве использовался термин «склонение» сторон к примирению, что означает подталкивание и побуждение [Словарь синонимов URL] и что, в свою очередь, предполагает совершение активных действий со стороны суда в убеждении [Толковый словарь Ушакова URL] участников спора в целесообразности примирения. Отсюда в обязанности суда входило не просто ожидание инициативы сторон к примирению и разъяснение форм и последствий согласительных процедур, а указание на действительные, по мнению суда, к тому способы. Такой подход видится более действенным в реализации режима.

На сегодняшний день термины «содействие» и «склонение» ярко проявляют себя в уголовном праве. Уголовное законодательство отождествляет содействие с пособничеством, а склонение с подстрекательством. Так, ч.ч. 4, 5 ст. 33 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) определяет пособника как содействовавшее, а подстрекателя как склонившее к преступлению другого человека лицо. В свою очередь, например, содержание ч.ч. 1, 2 ст. 110.1 УК РФ, раскрывающих составы склонения к совершению самоубийства и содействия совершению самоубийства, повторяет соответственно положения ч.ч. 4, 5 ст. 33 УК РФ. Данная связь прослеживается и в примечании 1.1 к ст. 205.1 УК РФ [Уголовный кодекс РФ 1996].

Исходя из указанных выше норм, склонение может быть осуществлено, в частности, путем уговоров, предложений или иным способом. П. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» добавляет к данному перечню убеждения [Постановление Пленума Верховного Суда РФ 2012]. В это же время содействие выражается в том числе в форме советов, указаний, предоставления информации.

Однако законодателем была допущена юридико-техническая ошибка: в примечании 1 к ст. 230.1 УК РФ склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, было определено в том числе через дачу советов, указаний, предоставление информации, что свойственно содействию. Аналогичное положение содержит и п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» [Постановление Пленума Верховного Суда РФ 2006]. Это, однако, не может менять сути применяемых понятий.

Термин «содействие» согласно ч. 1 ст. 64 УК РФ применяется также к действиям соучастника группового преступления, помогающего уполномоченным органам раскрыть это преступление. В данном случае в силу п.п. 48, 55 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на соучастнике не лежит функция инициирования, ведения уголовного преследования, а также рассмотрения и разрешения уголовного дела [Уголовно-процессуальный кодекс РФ 2001]. Отсюда содействие соучастника в данном примере также означает поддержание им инициативы и

побуждения других лиц, определенную помощь в осуществлении ими своей деятельности.

В свою очередь склонение представляет собой персонифицированное по направленности и конкретизированное по содержанию психическое (информационное) воздействие, направленное на возбуждение у другого лица решимости к действию [Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) 2021: 272, 381].

Такой подход свидетельствует о том, что содействие не предполагает, в отличие от склонения, активных действий субъекта по возбуждению интереса у другого лица к юридически значимым действиям, в которых заинтересован первый. При этом как содействующему или склоняющему к примирению суду в цивилистическом процессе, так и подстрекателю или пособнику в уголовном праве не свойственно выступать инициатором проведения и исполнителем юридически значимого действия. Отличает употребление терминов «содействие» и «склонение» в данных областях права характер указанных действий и правовых последствий. В первом случае речь идет о правомерной и социально полезной деятельности, которой законодатель благоприятствует, во втором – о противоправной и общественно опасной деятельности, которой законодатель препятствует. Средствами создания и обеспечения такого положения являются самостоятельные правовые режимы, применяемые в данных отраслях права [Беляева 2013: 216].

В целом законодательство достаточно часто использует термин «содействие» без определения конкретных признаков данного понятия. Используется оно, как правило, в значении сторонней помощи, оказываемой лицу, на котором лежит право и (или) обязанность совершить юридически значимое действие, но не в значении действия равных в правовом статусе лиц (в качестве примера может быть приведена ст. 718 Гражданского кодекса Российской Федерации) [Гражданский кодекс РФ часть 2 1996]. В определенных случаях в правоприменительной практике термин используется в отношении пассивных действий. Так, абз. 2 п. 81 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» рассматривает содействие с позиции бездействия кредитора в форме непредъявления в течение длительного времени после наступления срока исполнения обязательства требования о взыскании основного долга в целях увеличения размера неустойки [Постановление Пленума Верховного Суда РФ 2016].

Термин «склонение» в нормативных актах используется заметно реже, при этом часто имеет негативную окраску и используется в отраслях уголовного и административного права, в частности, в отношении склонения к совершению коррупционных нарушений. Само понятие применяется в приведенном выше значении.

Возвращаясь к вопросу о терминологическом аппарате, используемом в цивилистическом процессе относительно института примирения, необходимо отметить, что определяющим понятием роли суда в примирении сторон было выбрано именно «содействие» [Гражданский процессуальный кодекс 2002]. Однако сегодня такое положение уже не соответствует тенденциям развития цивилистического процесса. При таком подходе следует, что суд не может быть движущей силой, инициатором проведения примирительных процедур. Суд лишь доводит до сторон информацию о возможности примирения, после чего ожидает их инициативу (но не способствует ее появлению) и в случае ее отсутствия рассматривает спор в общем порядке. На стадии судебного разбирательства действия суда по возбуждению интереса к миру у участников спора в большинстве случаев и вовсе сведены к нулю.

В условиях же необходимости расширения примирительных процедур требуется повышение роли суда в примирительных процедурах и ее регламентации через расширение перечня возможных действий. Как отмечают в науке, одним из возможных путей увеличения роли примирительных процедур может стать наделение судов полномочиями по инициированию примирения по воле суда при отсутствии возражений сторон [Тимофеев 2021: 46].

Применение примирительных процедур требует от сторон дополнительных действий по поиску кандидатуры независимой стороны, по участию в переговорном процессе, возлагает на стороны риск неполучения итога при урегулировании спора, что ведет к временным потерям. Кроме того, на сторонах остается риск получения худшего итога, по сравнению с возможным решением суда. Данная проблема усугубляется разрозненной практикой судов по различным категориям споров, что усложняет прогнозирование правового результата исчерпания спора. Минимизация данных негативных факторов для сторон, прежде всего, возможна с позиции расширения судебных полномочий в части примирения, а также деятельности судебных примирителей.

Таким образом, в целях повышения эффективности режима благоприятствования примирению в цивилистическом процессе видятся необходимыми дальнейшая разработка и совершенствование терминологического аппарата. В этой связи целесообразным является использование термина «склонение» к примирению в части задач суда, что предполагает большую активность указанного органа в примирении и соответствует общим процессуальным тенденциям. Следовательно, немаловажной является детализация полномочий суда касательно конкретных действий, проводимых данным органом в целях возбуждения интереса сторон к примирению. К таким действиям может относиться разъяснение сторонам о возможных способах распределения спорного материального блага. Назревает необходимость расширения института обязательного внесудебного порядка урегулирования споров, что может потребовать дополнительной компетенции судов в этой части. Кроме того, требует отдельного регулирования вопрос действий суда по склонению к примирению на стадии судебного разбирательства. Данные проблемы требуют своего разрешения на уровне правотворчества и правоприменительной практики.

Литература

Беляева Г.С. Правовой режим: общетеоретическое исследование: дис. ... докт. юрид. наук. Курск, 2013.

Викисловарь. URL:

<https://ru.wiktionary.org/wiki/%D1%81%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B8%D0%B5>.

Гражданский кодекс РФ : федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (Часть вторая) / Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996 г. – № 5. – Ст. 410.

Гражданский процессуальный кодекс РФ : федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ / Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002 г. – № 46. – Ст. 4532.

Данные судебной статистики / Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL:

<http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Р.О. Долотов и др.; под ред. Г.А. Есакова. М., 2021.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 1999. URL:

<https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/%D1%81%D1%81%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B8%D0%B5>.

О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 февраля 2012 г. № 1 / Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 4.

О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 / Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2008. – № 9.

О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 / Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 5.

О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 / Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2006. – № 8.

Полов А.А. Судебная система: проблемы развития / Арбитражные споры. – 2007. – № 1. – С. 9-12.

Словарь русского языка / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. М., 1999. (4 т.). URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>.

Словарь синонимов. URL:

https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/163342/%D1%81%D0%BA%D0%BB%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5.

Тимофеев Ю.А. Судебное примирение: проблемы и перспективы / Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. – № 3. – С. 44-48.

Толковый словарь Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=70322>.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ : федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ / Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001 г. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

Уголовный кодекс РФ : федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ / Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996 г. – № 25. – Ст. 2954.

References

Belyaeva, G.S. (2013) Legalregime: generaltheoreticalresearch. Kursk (in Russian).

Civil Code of the Russian Federation: Federal Law of January 26, 1996 No. 14-FZ (Part Two). Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 5. Art. 410 (in Russian).

Civil Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of November 14, 2002 No. 138-FZ. Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 46. Art. 4532 (in Russian).

Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law of December 18, 2001 No. 174-FZ. Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52. Art. 4921 (in Russian).

Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article by article). (2021). G.A. Esakov (Ed). Moscow (in Russian).

Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of June 13, 1996 No. 63-FZ. Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954 (in Russian).

Dictionary of synonyms. Available from:

https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/163342/%D1%81%D0%BA%D0%BB%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5 (in Russian).

Dictionary of the Russian language. (1999). RAS, Institute of Linguistics research. Moscow. Available from: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (in Russian).

Explanatory dictionary of Ushakov. Available from: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=70322> (in Russian).

Judicial statistics. Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (in Russian).

On judicial practice in cases of crimes related to narcotic drugs, psychotropic, potent and poisonous substances: ruling of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 15, 2006. No. 14. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2006. No. 8 (in Russian).

On some issues of judicial practice in criminal cases on terrorist crimes: ruling of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 9, 2012. No. 1. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2012. No. 4 (in Russian).

On the application by the courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for breach of obligations: ruling of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 24, 2016. No. 7. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2016. No. 5 (in Russian).

On the preparation of civil cases for trial: ruling of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 24, 2008. No. 11. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2008. No. 9 (in Russian).

Ozhegov, S.I. (1999) Explanatory Dictionary of the Russian language. Moscow. Available from:

<https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/%D1%81%D1%81%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B8%D0%B5> (in Russian).

Popov, A.A. (2007). The judicial system: problems of development. Arbitration disputes, 1, 9-12 (in Russian).

Timofeev, Yu.A. (2021). Judicial reconciliation: problems and prospects. Arbitration and civil procedure, 3, 44-48 (in Russian).

Wiktionary. Available from:

<https://ru.wiktionary.org/wiki/%D1%81%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B8%D0%B5> (in Russian).

Citation:

Тимофеев Е.И. Употребление категорий «содействие» и «склонение» как средство формирования режима благоприятствования примирению в цивилистическом процессе // Юрислингвистика. – 2022. – 24. – С. 21-25.

Timofeev E.I. (2022). The Use of the Categories "Assistance" and "Inducement" as a Means of Forming a Reconciliation Favoring Regime in the Civil Process. *Legal Linguistics*, 24, 21–25.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Древнекитайская политико-правовая мысль о наградах и наказаниях

О.Г. Моисеева¹, О.А. Блинова²

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹moi.seeva@mail.ru, ²boa334@yandex.ru

Статья посвящена исследованию древнекитайской политико-правовой мысли. В современном мире большое распространение и влияние получили такие политико-правовые учения, как конфуцианство, даосизм и легизм. Особое место они занимают в духовной культуре Китая и жизни современного китайского общества.

КНР находится на этапе дальнейшей модернизации китайского общества, начало которой было положено реформами 70-х гг. прошлого века. Традиционным для Китая в любую эпоху его развития являлось обращение к достижениям китайской цивилизации.

Одной из проблем, рассматриваемых представителями древнекитайской политико-правовой мысли, является проблема управления государством. Среди различных методов управления государством древнекитайские мыслители выделяли, прежде всего, награды и наказания. В рамках политико-правовых воззрений Древнего Китая сложилось несколько подходов к наградам и наказаниям. Конфуцианцы выступали против управления государством на основе законов, содержащих суровые наказания. Они считали, что управление государством должно строиться на основе не наказаний, а наград. Сторонники даосизма признавали метод наград и наказаний в управлении государством, но относились к нему отрицательно. В моизме высказываются идеи о необходимости сочетания насильственных методов управления с нравственными формами воздействия на людей. Легисты приходят к однозначному выводу, что наказания являются наиболее эффективным методом управления обществом.

В статье делается вывод, что разработанная легистами система суровых наказаний претерпела изменения в направлении смягчения и соединения с основными постулатами конфуцианства в период империи Хань. Система суровых наказаний, принуждения и насилия в некотором смягченном варианте была положена в основу деятельности органов управления в последующие века китайской истории.

Ключевые слова: Конфуцианство, легизм, награды, наказания, Древний Китай.

Ancient Chinese Political and Legal Thought about Rewards and Punishments

O.G. Moiseeva¹, O.A. Blinova²

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹moi.seeva@mail.ru, ²boa334@yandex.ru

The article discusses ancient Chinese political and legal thought. In the modern world, such political and legal teachings as Confucianism, Taoism and Legalism have gained wide spread and influence. They occupy a special place in the spiritual culture of China and the life of modern Chinese society.

The PRC is at the stage of further modernization of Chinese society, which was initiated by the reforms of the 1970s. Traditional for China in any era of its development has been the appeal to the achievements of Chinese civilization.

One of the problems considered by the representatives of ancient Chinese political and legal thought is the problem of state administration. Among the various methods of government, ancient Chinese thinkers singled out, first of all, rewards and punishments. Within the framework of the political and legal views of ancient China, there were several approaches to rewards and punishments. The Confucians opposed the administration of the state on the basis of laws containing severe

punishments. They believed that government should be based not on punishments, but on rewards. Supporters of Taoism recognized the method of rewards and punishments in government, but treated it negatively. In Mohism, ideas are expressed about the need to combine violent methods of control with moral forms of influence on people. Legalists come to the unequivocal conclusion that punishments are the most effective method of governing society.

The article concludes that the system of severe punishments developed by the Legalists underwent changes in the direction of mitigation and connection with the main postulates of Confucianism during the Han Empire. A system of severe punishments, coercion and violence, in a somewhat relaxed version, became the basis for the work of government bodies in subsequent centuries of Chinese history.

Key words: Confucianism, Legalism, rewards, punishment, ancient China.

Период VI-III вв. до н.э. в истории Китая характеризовался бурными изменениями в социально-политической и экономической жизни, а также развитием учений о праве и государстве. Как писал Е.А. Торчинов, в сумерках эпохи Борющихся царств расцвела классическая китайская философия [Торчинов 1999: 10].

Одной из центральных тем в древнекитайской политико-правовой мысли стала проблема управления государством. В политико-правовых учениях древности награды и наказания рассматривались в качестве методов управления государством. И.И. Царьков отмечал, что «в идеале "система наград и наказаний" должна привести общество к взаимному согласию в достижении общей цели» [Царьков 2010: 1481].

Традиционным для Китая является указание на древность писанного права.

Н.Я. Бичурин в работе «Китай в гражданском и нравственном уложении» упоминает легенду о появлении первых писанных уголовных законов в 2282 г. до н.э., в период правления Яо. [Бичурин 2002: 135].

Согласно преданиям, правитель Чжоу Му-ван (1001–947 гг. до н.э.) приказал составить сборник законодательства, ставший известным как «Законы Люя». В законе нашла отражение система у син – пяти наказаний. Для обозначения понятия наказания в Древнем Китае использовали иероглиф «син». В уложении Му-вана выделяют пять основных видов наказания: клеймо тушью на лице, отрезание носа, отрубание руки, кастрация для мужчин и превращение в рабынь-затворниц для женщин, смертная казнь.

В период «Весны и осени» (722–481 гг. до н.э.) происходит запись законов на бронзовых треножниках. Материальным свидетельством писанных законов является бронзовый треножник с текстом «Обозрения законов», относящийся к VI в. до н.э.

В период Сражающихся царств (403–221 гг. до н.э.) Ли Куй создал первый систематизированный кодекс «Фацзин». «Фацзин» состоит из 6 частей: «О разбое», «О воровстве», «О заключенных», «Об аресте», «Разнообразные законы», «Об избрании меры наказания». Этот свод законов до настоящего времени не найден, но по традиции именно он послужил основой для разработки последующих кодексов.

В 359 г. до н.э. Шан Ян на основе «Фацзин» составляет сборник «Циньское право». Шан Ян увеличил количество телесных наказаний, преступлений, караемых смертной казнью, ввел новые наказания. После объединения Китая под властью царства Цинь действие циньских законов распространяется на всю территорию объединенного Китая. Со второй половины III в. до н.э. действовало Циньское уложение о наказаниях. Сведения о содержании древнейших памятников права можно найти в работах древнекитайских философов и историков.

Одним из наиболее известных учений древнекитайской политико-правовой мысли является конфуцианство. Конфуций выступал против насильственных методов управления, полагая, что отношения между правителями, чиновниками и подданными должны строиться на основе добродетели. Отстаивая идею управления государством на основе добродетели и человеколюбия, Конфуций не только выступал сторонником нравственного воспитания, но и не исключал применение наказаний. Конфуций писал: «Благородный муж стремится к добродетели» [Конфуций 1998: 70]. Также он отмечал, что «благородный муж думает, как бы не подвергнуться наказанию» [Конфуций 1998: 73].

Конфуций, рассматривая управление государством, выступал против убийства людей. Он полагал, что если правитель будет стремиться к добру, то и народ будет добрым. Большое внимание Конфуций уделял силе нравственного примера представителей правящей элиты, сравнивая мораль благородного мужа с ветром. Мораль простолюдина он сравнивал с травой, и писал о том, что трава наклоняется туда, куда дует ветер. Прежде всего соблюдать требования добродетели должны были члены правящей элиты, так как от этого зависит «господство норм нравственности в поведении подданных» [Маршев 2005: 101].

Во времена Конфуция (551–479 гг. до н.э.) в отдельных царствах впервые стали появляться законы. Это встретило критику со стороны Конфуция.

Конфуцианцы были противниками управления на основе законов, содержащих суровые наказания. С помощью наказаний невозможно установление гармоничного порядка в обществе. Наказания не способны привести к достижению согласия в обществе, а наоборот, содействуют существованию противоречий и конфликтов. Конфуций следующим образом высказался по поводу кодекса законов, отлитых на треножниках в царстве Цинь в 513 г. до н.э.: «Если править с помощью закона, улаживать, наказывая, то народ остережется, но не будет знать стыда. Если править на основе добродетели, улаживать по ритуалу, народ не только устыдится, но и выразит покорность» [Конфуций 1998: 58].

Главной целью управления, по Конфуцию, является достижение социального порядка и гармонии в обществе на основе соблюдения норм морали. Государственное управление должно соответствовать правилам (ли), которые рассматриваются как совокупность общих принципов и положений этического и правового характера, включающая в

себя нормы ритуала, этикета, церемониала. Правила (ли) должны обеспечивать справедливый и гармоничный порядок.

Конфуций считал, что норм ли достаточно для правильного функционирования общества и успешного управления государством. Обеспечение господства добродетели в обществе должно было способствовать решению одной из основных задач государства – предупредить преступления, сделав ненужным наказания.

Выступая с критикой суровых наказаний, которые лежат в основе управления государством, Конфуций не отрицал возможность применения наказаний, в том случае, если правила поведения были нарушены. Сторонники конфуцианства подчеркивали значение ответственности за поступки, причем рассматривали ее в качестве важнейшего элемента справедливости [История древнекитайской философии 1989: 60]. Конфуций говорил, что на зло надо отвечать справедливостью, а на добро – добром [Конфуций 1998: 133].

Теория управления, разработанная Конфуцием, предусматривала наказания. Одновременное применение добродетели и наказаний, «содействие добродетели с помощью закона – вот основное положение, проходящее красной нитью через созданную Конфуцием теорию» [История древнекитайской философии 1989: 67].

Конфуций рассматривает проблему наказания, характеризуя принцип «исправления имен». «В случае если наказания не применяются надлежащим образом, народ не знает, как себя вести. Поэтому благородный муж, давая имена, должен произносить их правильно, а то, что произносит, правильно осуществлять» [Конфуций 1998: 120].

Взглядам сторонников конфуцианства созвучны идеи даосов. Лао-цзы отрицательно относится к законодательству и к насильственным методам регулирования жизни людей. Лао-цзы выступал за такой вариант управления государством, в основе которого лежит принцип «недеяния». Отстаивая принцип недеяния, Лао-цзы писал, что лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует [Древнекитайская философия 1994: 119]. Лао-цзы утверждал, что только в случае бездействия правителя народ способен к самосовершенствованию. «Если правитель пассивен, народ сам становится богатым» [Древнекитайская философия Т.1. 1994: 132]. Лао-цзы выступал против законов и приказов, считая, что их наличие приводит к тому, что народ становится бедным. Он проводил связь между законами и преступностью, считая, что рост количества законов приводит к увеличению воров и разбойников [Древнекитайская философия Т.1. 1994: 132].

Даосы, отстаивая принцип «недеяния», признавали награды и наказания одним из методов управления государством, но относились к ним отрицательно.

Мэн-цзы, так же как и Конфуций, выступал за управление на основе добродетели. Он, обосновывая свою теорию, считал необходимым смягчить наказания и штрафы, снизить налоги и подати [Древнекитайская философия Т. 1. 1994: 227]. Мэн-цзы не отказывался от наказаний, он считал необходимым сочетать добродетель и наказания в управлении государством. Мэн-цзы утверждал: «Если использовать народ с целью доставить ему спокойствие, то он не будет роптать, даже если изнурять его работой. Если казнить народ с целью сохранить ему жизнь, то он, даже умирая, не будет роптать на того, кто казнит его» [Классическое конфуцианство 2000: 112].

Мо-цзы разработал концепцию управления на основе концентрации власти в руках чиновников, в рамках которой народ должен был выстраивать свое поведение в соответствии с распоряжениями начальства под страхом наказания. Тем самым наказание у Мо-цзы было провозглашено важнейшим методом управления.

В качестве образца управления у Мо-цзы выступает Небо. В том случае, если не будет соблюдаться данный принцип, то последуют санкции. «Поэтому утверждаю: того, кто питает к людям всеобщую любовь, кто делает им пользу, небо непременно осчастливит. А того, кто делает людям зло, обманывает людей, небо непременно покарает» [Древнекитайская философия 1994: 180]. Мо-цзы последовательно отстаивал идею почитания мудрости как основы управления государством.

В доктрине Мо-цзы управление государством начинает ассоциироваться уже, не столько с «ли», как у Конфуция, сколько с наказанием – «син», но косвенно даже и с законом – «фа». Он восстановил значение наказания как одного из методов управления государством. Наказания вместе с наградами позволяют воздействовать на людей, используя их стремление к наслаждению, с одной стороны, и страх перед негативными последствиями их поступков – с другой. На основании этого можно сделать вывод о том, что именно Мо-цзы является идейным предтечей легизма [История политических и правовых учений 1985: 205].

Мо-цзы выступал за такой вариант теории управления государством, в котором сочетались бы насильственные методы управления с нравственным воздействием на поведение людей. Мо-цзы считал, что в «обществе всеобщей любви» должна существовать система справедливых наказаний и наград. «Если правители ...станут побуждать к этому (всеобщей любви) при помощи наград и похвал, с одной стороны, и угрозы наказания – с другой, то я думаю, что люди также устремятся к всеобщей любви и взаимной выгоде...» [Рубин 1999: 30].

Легисты выступили против идей конфуцианцев, считавших, что управление должно строиться на основе добродетели. В условиях борьбы за власть на территории Древнего Китая легисты полагали, что новый порядок не может быть построен на основе морали. В основе поведения каждого человека лежит выгода, что приводит к беспорядку, и только наказание способно обуздать разгул страстей. Исходя из этого, легисты делали вывод о том, что власть в государстве должна быть основана на выгоде и страхе.

Шан Ян рассматривал наказания как инструмент управления обществом, а не средство воздаяния виновному за вред, причиненный преступлением. «Совершенномудрый, управляя государством, устанавливает единые правила наказаний, единые правила наставлений. Если установить единые правила наград, то армия не будет иметь себе равных; если установить единые правила наказаний, то приказы будут выполняться ...» [Шан Ян 1993: 204].

Шан Ян писал о соотношении количества наград и наказаний в государстве в зависимости от того, является ли оно

сильным или слабым. «В стране, добившейся владычества [в Поднебесной], на каждые десять наказаний приходится одна награда; в сильной стране на каждые семь наказаний приходится три награды; в стране, обреченной на гибель, на каждые пять наказаний приходится пять наград» [Шан Ян 1993: 159]. Шан Ян считал, что в образцовом государстве должно быть больше наказаний, чем наград.

Шан Ян обосновал новую, не известную ранее в Китае концепцию наказаний, суть которой сводилась к тому, что необходимо было жестоко карать за самые незначительные проступки, тогда люди не будут совершать тяжкие преступления. «Там, где людей сурово карают за тяжкие преступления и мягко наказывают за мелкие проступки, не только нельзя будет пресечь тяжкие преступления, но и невозможно будет предотвратить мелкие проступки» [Шан Ян 1993: 216]. Тем самым Шан Ян отказывался признавать наличие какой-либо связи между наказанием и тяжестью совершенного проступка.

Легисты считали, что за нарушение закона должны применяться жестокие наказания, самыми мягкими из которых было нанесение увечий и ссылка на принудительные работы [Фицджералд 2008: 91]. Представители легизма считали, что наказания должны быть тяжелыми, а награды легкими. «То, что наказания тяжелы, делает ранг еще более почетным, то, что награды легки, заставляет еще более бояться наказаний» [Шан Ян 1993: 11]. В «Шанцзюнь шу» содержится следующее положение, обосновывающее такое положение наказаний в системе управления: «Подражание древним состоит в управлении при помощи добродетели, подражание современным – во введении законов, в которых на первом месте наказания» [Шан Ян 1993: 16].

Шан Ян не отрицал и значение наград. В каких случаях применяются награды и наказания? «Если наказания будут применяться по отношению к уже совершенным преступлениям, то злодейств прекратить не удастся. Поэтому тот, кто хочет добиться гегемонии, должен применять наказания к проступкам, которые только готовятся... Награды должны даваться тем, кто сообщает о злодеяниях» [Шан Ян 1993: 17]. Шан Ян считал, что только такой путь будет способствовать сочетанию справедливости с насилием.

Шан Ян в ходе проведения реформ ввел суровые наказания за доноительство и установил награды для доносчиков. Были введены поощрения за военные заслуги. «Ворота к богатствам и почестям должны быть в войне и больше ни в чем» [Шан Ян 1993: 30].

Легисты приходят к однозначному выводу, что именно наказания являются наиболее эффективным методом управления обществом. При этом Шан Ян считал, что для того, чтобы предотвратить развал государства, необходимо держать народ в страхе, наказание должно предшествовать проступку [Древнекитайская философия Т.2. 1994: 223].

Ж. Жерне считает, что легисты, учреждая систему наград и наказаний, «имели в виду установить порядок, который действовал бы автоматически, и в конечном счете, никак не зависел бы от искусства управления» [Жерне 2004: 135].

Идеи легизма разделяли и многие другие представители древнекитайской политико-правовой мысли – Шэнь Бухай, Хань Фэй, Цзын Чань и др. Хань Фэй считал, что одних наказаний недостаточно для управления государством. Необходимо сочетание закона, устанавливающего суровые наказания с иными регуляторами общественных отношений.

Хань Фэй подчеркивал, что необходимо сочетать в управлении государством как строгие наказания, так и милосердие, гуманность, чувство долга. «Я считаю, что гуманность, долг и милосердие недостаточны сами по себе для дела, а порядок в государстве можно водворить строгими наказаниями и серьезными взысканиями» [Антология 1999: 504]. Награды должны быть заслуженными. «Если в государстве без заслуг получают награды, то народ не будет заботиться о том, чтобы, встретясь с врагом, отрубить ему голову, и не стремится работать в поле и усиленно трудиться...» [Антология 1999: 504].

Подчеркивая роль и значение наград и наказаний, он сравнивает их с прочным экипажем и конем на суше, легким судном и удобными веслами на воде.

Рассматривая соотношение наград и наказаний, Хань Фэй придерживается точки зрения, согласно которой наказаний должно быть больше, чем наград. «Тяжелые наказания и незначительные награды указывают, что государь любит народ, и народ жертвует жизнью ради награды. Если же награды многочисленны, а наказания редки, значит, государь не любит народ...Если наказания строги и народу ясны, ... то государю это выгодно» [Антология 1999: 505].

Значительный вклад в развитие древнекитайской политико-правовой мысли внес Сюнь-цзы. В новых исторических условиях политической нестабильности и смуты, когда управление государством на основе конфуцианских принципов стало невозможным, Сюнь-цзы поддержал легистскую концепцию наград и наказаний.

Он писал: «Когда награды обильны, государство могущественное; когда же награды скудны, государство слабое. Когда наказания наводят страх, государство могущественное; когда же наказания презирают, государство слабое» (цит. по [Шан Ян 1993: 110]).

Система наград и наказаний по Сюнь-цзы должна была обеспечить выдвижение на государственные должности способных и талантливых людей, а также держать народ в повиновении и страхе перед наказаниями.

Восприняв легистскую модель наград и наказаний, Сюнь-цзы не отверг и идей конфуцианцев о ритуале и чувстве долга как важнейших факторов воспитания моральных качеств подданных. Взгляды Сюнь-цзы отличаются от идей Шан Яна. Шан Ян выступал за суровые наказания, независимо от тяжести преступления, Сюнь-цзы считал, что наказания должны соответствовать характеру проступка. «Когда наказания соответствуют тяжести преступления, в стране царит порядок, когда наказания не соответствуют тяжести преступления – в стране наступает смута» [Феоктистов 1976: 158]. Кроме того, система наград и наказаний, соединяясь с воспитанием на основе ритуала и чувства долга, должна была способствовать приведению поведения людей в определенные рамки.

Сюнь-цзы не отрицал значение наказания и принуждения, но предпочтение в управлении государством все же отдавал убеждению, традиции, ритуалу. Он писал о том, что если в управлении государством прибегать лишь к угрозам, жестокости, то простой народ не будет стремиться к сближению с правителем. «В этом случае большие дела в государстве будут запущены, а малые погублены» [Древнекитайская философия Т.2. 1994: 151]. Сюнь-цзы выступал за синтез идей конфуцианства и легизма, считая, что при управлении государством необходима как отеческая мягкость, так и жестокость наказаний, конфуцианский пряник и легистский кнут.

Центральной темой древнекитайской политико-правовой мысли стала проблема поиска лучшего варианта управления государством. В управлении государством одно из наиболее значимых мест отводилось наградам и наказаниям.

Конфуций считал, что управление государством должно базироваться не на законах, в которых предусматриваются суровые наказания, а прежде всего на основе добродетели и человеколюбия. Выступая с критикой наказаний, Конфуций полностью не отрицал возможность их применения, в том случае, если это соответствует справедливости.

Лао-цзы также отрицательно относился к применению наказаний, последовательно отстаивая принципы «недеяния», «спонтанности», в том числе и в управлении государством.

Мэн-цзы был сторонником управления на основе добродетели, как и Конфуций, но при этом уже выступал за соединение добродетели с наказаниями.

Мо-цзы выступил за такой вариант управления, при котором сочетались бы нравственное воздействие на поведение людей с применением насилия.

Представители легизма считали, что при управлении государством важнейшее значение имеют суровые наказания, которых должно быть больше, чем наград. Не отрицали они и возможность применения наград, в том числе за военные заслуги, за сообщение о совершенных или готовящихся преступлениях.

Для древнекитайского общества было характерно рассмотрение системы наград и наказаний как институтов взаимосвязанных и взаимообусловленных. Нет наказаний без наград, нет поощрений без наказаний. Древнекитайская политико-правовая мысль предложила различные варианты ответа на вопрос, что является лучшим – награды или наказания – и каково должно быть соотношение между ними в целях организации эффективного управления государством.

Литература

- Антология мировой правовой мысли. Т.1. М., 1999.
 Бичурин Н.Я. Китай в гражданском и нравственном уложении. М., 2002.
 Древнекитайская философия. Т.1. М., 1994.
 Древнекитайская философия. Т.2. М., 1994.
 Жерне Ж. Древний Китай. М., 2004.
 История китайской философии. М., 1989.
 История политических и правовых учений. Древний мир. М., 1985.
 Классическое конфуцианство. Т.2. СПб., М., 2000.
 Конфуций. Я верю в древность. М., 1998.
 Маршев В.И. История управленческой мысли. М., 2005.
 Рубин В.А. Личность и власть в Древнем Китае. М., 1999.
 Торчинов Е.А. Даосизм. «Дао – Дэ цзин». СПб., 1999.
 Фицджералд Ч.П. История Китая. М., 2008.
 Феоктистов В.Ф. Философские и общественно-политические взгляды Сюнь-цзы. М., 1976.
 Царьков И.И. Уголовная политика древних цивилизаций / Право и политика. - 2010. - № 8. - С. 1480-1492.
 Шан Ян. Книга правителя области Шан. М., 1993.

References

- Ancient Chinese philosophy. (1994). Vol.1. Moscow (in Russian).
 Ancient Chinese philosophy. (1994).Vol. 2. Moscow (in Russian).
 Anthology of world legal thought. (1999). Vol. 1. Moscow (in Russian).
 Bichurin, N.Y. (2002).China in the civil and moral code. Moscow (in Russian).
 Classical Confucianism. Vol.2. (2000). St. Petersburg, Moscow (in Russian).
 Confucius. I believe in antiquity.(1998). Moscow (in Russian).
 Feoktistov, V.F. (1976). Philosophical and socio-political views of Xun Tzu. Moscow (in Russian).
 Fitzgerald, C.P. (2008). History of China. Moscow (in Russian).
 Gernet, J. (2004). Ancient China. Moscow (in Russian).
 History of Chinese philosophy. (1989). Moscow (in Russian).
 History of political and legal doctrines. Ancient world. (1985). Moscow (in Russian).
 Marshev, V.I. (2005). History of managerial thought. Moscow (in Russian).
 Rubin, V.A. (1999). Personality and Power in Ancient China. Moscow (in Russian).

Shang Yang. (1993). The book of the ruler of the Shang region. Moscow (in Russian).

Torchinov, E.A. (1999). Taoism. Tao TeChing. St. Petersburg (in Russian).

Tsarkov, I.I. (2010). Criminal policy of ancient civilizations. Law and politics, 8, 1480-1492 (in Russian).

Citation:

Моисеева О.Г., Блинова О.А. Древнекитайская политико-правовая мысль о наградах и наказаниях// Юрислингвистика. – 2022. – 24. – С. 26-31.

Moiseeva O.G., Blinova O.A. (2022). Ancient Chinese Political and Legal Thought about Rewards and Punishments. Legal Linguistics, 24, 26–31.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Об обозначениях, образующих единую семантическую конструкцию, в лингвистической экспертизе

М.Е. Новичихина

Воронежский государственный университет

Ул. Хользунова, 40-а, 394068, Воронеж, Россия. E-mail: novichihiname@mail.ru

Работа посвящена проблеме лингвистической экспертизы товарного знака, а также поиску путей оптимизации этой процедуры. Обсуждаются нерешенные вопросы, возникающие в ходе экспертизы товарного знака. Показывается, что одним из трудных случаев такой экспертизы становится анализ сходства до степени смешения однословного и составного обозначений. Осложняющим фактором исследования таких обозначений является способность составного обозначения образовывать цельную конструкцию (цельное сочетание). На практике вынести решение о восприятии составного обозначения в качестве цельного достаточно проблематично. Именно поэтому данная статья преследует своей целью поиск критериев, на основании которых лингвист-эксперт мог бы однозначно идентифицировать сочетание слов в качестве цельного. Для этого обсуждается классификация словосочетания по степени спаянности его компонентов (деление на синтаксически свободные (членимые) и синтаксически несвободные (цельные, нечленимые) сочетания) и обобщаются различные подходы к пониманию цельного составного обозначения. Уделяется особое внимание фразеологизмам и синлексам как основным видам цельных словосочетаний. Обсуждаются языковые маркеры цельного словосочетания. В частности, показывается, что для формулировки выводов о цельности словосочетания необходимы положительный ответ на вопрос: «Приближается ли значение исследуемого словосочетания к отдельному слову?» и отрицательные ответы на такие вопросы, как: «Сохраняют ли слова, образующие исследуемое сочетание, самостоятельное значение?»; «Каждое ли из слов привносит значимую информацию в понимание общего смысла сочетания?»; «Могут ли заменяться элементы исследуемого словосочетания другими элементами?» и др. На примере конкретной лингвистической экспертизы демонстрируется методика определения языковых маркеров цельного словосочетания и таким образом предлагаются конкретные пути объективизации результатов лингвистической экспертизы товарных знаков.

Ключевые слова: товарный знак, лингвистическая экспертиза, цельное словосочетание, синлекс, языковой маркер.

On Commercial Names Forming a Single Semantic Construction in Forensic Linguistic Examination

M.E. Novichihina

Voronezh State University

40-a Holzunova St., 394068, Voronezh, Russia. E-mail: novichihiname@mail.ru

The work discusses the problem of forensic linguistic examination of a trademark, as well as the search for ways to optimize this procedure. Unresolved issues arising during the examination of a trademark are discussed. It is shown that one of the most difficult cases of such expertise is the analysis of similarity to the extent of mixing one-word trademarks and compound ones. A complicating factor in the study of such naming units is the ability of a composite designation to form an integral structure (an integral combination). In practice, it is quite problematic to make a decision on the perception of a composite designation as a whole. That is why this article aims to find criteria on the basis of which an expert linguist could unambiguously identify a combination of words as a whole. For this purpose, the classification of a phrase according to the degree of connectivity of its components (division into syntactically free (articulate) and syntactically non-free (integral, non-

articulate) combinations) is discussed and various approaches to understanding the integral composite designation are generalized. Special attention to phraseological units and synlexes as the main types of integral word combination is paid. The language markers of the word combination are discussed. In particular, it is shown that in order to formulate conclusions about the integrity of word combination, a positive answer to the question: "Does the meaning of the studied word combination look like a meaning of separate word?" is needed. Also negative answers to such questions as: "Do the words forming the studied combination retain an independent meaning?"; "Does each of the words bring meaningful information into understanding the general meaning of the combination?"; "Can the elements of the studied word combination be replaced by other elements?" are needed. Using the example of a specific linguistic expertise, the methodology for determining the linguistic markers of a whole word combination is demonstrated and thus specific ways of objectifying the results of linguistic expert examination of trademarks are proposed.

Key words: trademark, forensic linguistic examination, non-free word combination, synlex, language marker.

В соответствии с Гражданским Кодексом РФ под товарным знаком понимается обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей. Одним из видов товарных знаков являются словесные товарные знаки; например, известными российскими словесными товарными знаками являются: «Макфа», «Фанагория», «Лесной бальзам» и др.

Согласно действующему законодательству к регистрации и дальнейшему использованию не допускаются обозначения, сходные до степени смешения с ранее зарегистрированными товарными знаками, охраняемыми законом. Однако на практике вынести решение о факте сходства знаков до степени смешения в ряде случаев бывает непросто, что становится поводом для многочисленных судебных разбирательств и последующих лингвистических экспертиз.

Методика подобной экспертизы, с одной стороны, подробно описана как в юридических источниках (см., например, п. 7.1.2 Руководства по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака и выдаче свидетельств на товарный знак, знак обслуживания, коллективный знак, их дубликатов), так и в лингвистической литературе (например: [Дударева: 143–148]). С другой стороны, существует целый ряд моментов, провоцирующих субъективность в процессе такой экспертизы.

Так, например, до сих пор не решен вопрос о методике сопоставления на предмет сходства до степени смешения однословных и составных (т. е. выраженных синтаксической конструкцией) обозначений. Такое сопоставление становится одним из трудных случаев лингвистической экспертизы (см. подробнее в: [Новичихина 2012: 221–227]).

Действительно, по своей структуре выделяются однословные коммерческие обозначения и так называемые составные названия (или выраженные синтаксической конструкцией – словосочетанием или предложением): например, «Локон» (название парикмахерской) – однословное обозначение, «Все для животных и рыбалки» (название магазина) – составное обозначение.

Естественно, сопоставление однословного и составного обозначений может осложниться лишь в том случае, когда у этих обозначений есть область пересечения, т. е. они содержат некий общий элемент. Как, например, сопоставить однословное обозначение «Взгляд» и составное обозначение «Добрый взгляд» или однословное обозначение «Афиша» и составное «Яндекс Афиша»?

Нами уже не раз обсуждалась проблема определения сильного элемента в составном обозначении. Сейчас же мы обратимся к ситуации, когда несколько слов могут начать восприниматься как единый словесный элемент, а слова, являющиеся самостоятельными лексическими единицами, начинают восприниматься потребителем как единое целое в конкретном обозначении.

Конечно, в этих случаях речи о сходстве однословного и составного обозначений идти не может. Оставляя без критического анализа решение Суда по интеллектуальным правам от 23.09.2021 по делу № СИП-871/2020, приведем лишь в качестве примера отраженный в нем факт о том, что составное обозначение «GLORIA JEANS» не может быть разделено на отдельные словесные элементы, оно представляет собой целостную конструкцию и именно поэтому не может восприниматься как сходное до степени смешения с обозначением «Глория» [Не следует разделять элементы товарного знака...]. Неоднозначность этого вывода побуждает осуществить анализ случаев формирования целостности у составных обозначений.

Предваряя разговор о критериях определения цельности / свободы сочетания, будем исходить из следующего:

- словосочетания по степени спаянности своих компонентов делятся на синтаксически свободные (членимые) и синтаксически несвободные (цельные, нечленимые). В синтаксически свободных словосочетаниях, в отличие от цельных словосочетаний, каждый компонент семантически достаточен;
- большинство словосочетаний является свободными; к цельным (несвободным) словосочетаниям относятся лишь так называемые фразеологизмы и так называемые синлексы (иногда их называют фразеологически несвободными сочетаниями и синтаксически несвободными (синтаксически цельными) сочетаниями соответственно);
- свободное словосочетание состоит из слов, сохраняющих свое самостоятельное лексическое значение; элементы свободного словосочетания раздельны не только в оформлении, но и в семантике;
- самостоятельность слов в свободном словосочетании обусловлена их достаточной информативностью (см.: [Каменская 2012: 21]);

• в цельных словосочетаниях лексическая самостоятельность одного из компонентов ослаблена или утрачена, и такое словосочетание в целом по характеру своего значения приближается к отдельному слову (см.: [Синтаксис современного русского языка 2009: 41];

• свободные словосочетания являются лексически неограниченными, т. е. могут принимать любое лексическое наполнение словами соответствующей категории: ехать быстро, ехать домой, ехать на машине и т. п. (см. подробнее: [Пипченко 2008: 24]); компоненты свободных словосочетаний могут заменяться, поскольку синтаксические связи в них являются живыми и продуктивными (например: старый человек – молодой человек, старый человек – старый лес) [Каменская 2012: 21].

Будем считать перечисленные выше моменты основными критериями разграничения цельных/свободных словосочетаний.

Однако прежде чем переходить к анализу конкретного обозначения, необходимо выявить так называемые языковые маркеры, позволяющие сформулировать объективный ответ по каждому приведенному критерию.

«Языковой маркер (или диагностический лингвистический маркер) – это общий термин для устанавливаемого экспертом в процессе исследования спорного текста некоторого лингвистического факта, языкового явления, позволяющего эксперту диагностировать что-либо, утверждать, сделать какой-либо вывод, ответить тем или иным образом на поставленный перед ним вопрос. Языковые маркеры – основное средство лингвистического доказательства, обоснования тех выводов, к которым приходит эксперт в процессе подготовки лингвистической экспертизы. ... Все выводы эксперта должны опираться на конкретные лингвистические маркеры, которые подтверждают его выводы и утверждения. Если лингвистических маркеров в заключении эксперта не приводится, его выводы приобретают характер мнения» [Стернин 2018: 244–245].

Итак, в соответствии с приведенными выше принципами разграничения цельных/свободных словосочетаний, языковыми маркерами цельного словосочетания являются положительные ответы на вопросы 1, 2, 5 и отрицательные ответы на вопросы 3, 4, 6 из числа приведенных ниже:

1. Является ли исследуемое сочетание фразеологизмом?

2. Является ли исследуемое сочетание синлексом?

3. Сохраняют ли слова, образующие исследуемое сочетание, самостоятельное значение? (По сути дела, в данном вопросе идет речь о том, является ли исследуемое словосочетание делимой в семантическом отношении конструкцией.)

4. Являются ли слова, образующие исследуемое словосочетание, информативными? Каждое ли из слов привносит значимую информацию в понимание общего смысла сочетания?

5. Приближается ли значение исследуемого словосочетания к отдельному слову?

6. Могут ли заменяться элементы исследуемого словосочетания другими элементами?

Продемонстрируем анализ составного обозначения «Яндекс Афиша» на предмет выявления соответствующих языковых маркеров (при этом сошлемся на проведенную нами в 2022 г. экспертизу этого обозначения).

Проанализируем словосочетание *Яндекс Афиша* на предмет выявления соответствующих языковых маркеров.

Итак, 1. Является ли исследуемое сочетание фразеологизмом?

Фразеологизм – это устойчивое словосочетание, которое воспроизводится в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 559], иными словами, это готовые единицы речи, имеющие переносное значение и ярко выраженную стилистическую окраску, которые не создаются по воле говорящего, а воспроизводятся в готовом виде для построения образной и выразительной речи (например, бить баклуши, не покладая рук, играть на нервах и т. п.). Фразеологизмы не могут считаться полноценными словосочетаниями, поэтому некоторые авторы выводят их за границы словосочетания в принципе.

Сочетание *Яндекс Афиша* невозможно отнести к подобным сочетаниям, оно не выражает переносного значения, не обладает выраженной стилистической окраской, не относится к категории воспроизводимых в готовом виде и не используется с целью построения образной и выразительной речи.

2. Является ли исследуемое сочетание синлексом?

Под синлексами понимаются устойчивые (по составу и порядку следования составных элементов) словосочетания, выполняющие номинативную функцию, принципиально безобразные (или обладающие невостробованной, стертой образностью)... и отличающиеся от «собственно слов» грамматической раздельнооформленностью и графической раздельностью элементов [Климовская 2008:44]. Примерами синлексов могут служить: глазное яблоко, добрая традиция, земной шар, в грубой форме и др.

Итак, основным признаком синлекса (помимо очевидных, свойственных любому сочетанию слов, – номинативности, грамматической раздельнооформленности и графической раздельности) являются: устойчивость состава и порядка следования элементов и безобразность. При этом безобразность становится признаком различия синлекса и фразеологизма (и как уже отмечалось выше, сочетание *Яндекс Афиша* не обладает выраженной стилистической окраской, следовательно, является безобразным), а устойчивость состава и порядка следования элементов становится признаком различия синлекса и свободного словосочетания.

На последнем признаке имеет смысл остановиться подробнее.

Как пишет Е. В. Цой, доказательствами различия синлекса и свободного лексосочетания являются: а) возможность перестановки компонентов в свободном сочетании и невозможность таких изменений в синлексе; б) возможность употребления в составе предложения грамматически ведущего компонента свободного словосочетания без

определяющего слова... и невозможность этого в случае синлекса [Цой 2013: 212–213].

Дадим пояснения по каждому пункту отдельно.

Пункт а). Действительно, в синлексе изменение порядка элементов ведет к абсурду или, как минимум, к неестественному для нормальной речи сочетанию (например: *глазное яблоко* – *яблоко глазное*. Но яблоко может быть зеленое, красное, свежее, гнилое, но не *глазное!*).

Перестановка же компонентов в сочетании *Яндекс Афиша*, напротив, ничего принципиально не меняет, она возможна. При перестановке компонентов *Яндекс Афиша* – *Афиша Яндекс* смысл словосочетания не изменяется. Именно поэтому такая замена осуществляется, в том числе, и правообладателями исследуемого обозначения, что хорошо иллюстрируется текстами, размещенными на официальном сайте компании.

Пункт б). В синлексе грамматически ведущий компонент не может использоваться в составе предложения без определяющего слова. Например, сочетание *глазное яблоко* в предложении «Окулист оценила состояние *глазного яблока*» не может быть использовано без определяющего слова, в противном случае мы получаем абсурд: Окулист оценила состояние *яблока*.

Напротив, в свободном словосочетании такое возможно. Например: «Фрукты лежали на *стеклянном блюде*» – «Фрукты лежали на *блюде*». Новый вариант не искажает сути исходного предложения. «Устранение» определяющего слова возможно без принципиальной потери смысла.

Возможно ли это в сочетании *Яндекс Афиша*? Сравним предложения с определяющим словом и без него:

Я купил билеты на Яндекс Афише. – *Я купил билеты на Афише.*

Как видим, устранение определяющего (зависимого) слова не искажает сути исходного предложения. Такое «устранение» определяющего слова возможно без принципиальной потери смысла.

Таким образом, анализ словосочетания *Яндекс Афиша* свидетельствует о том, что устойчивость состава и порядка следования элементов этому сочетанию не свойственна, следовательно, сочетание *Яндекс Афиша* не может быть интерпретировано как синлекс.

3. Сохраняют ли слова, образующие исследуемое сочетание, самостоятельное значение?

Как известно, значение определяющего (главного) субстантивного компонента цельного словосочетания не тождественно значению этого же компонента в свободном словосочетании (см. подробнее: [Цой 2013: 212–213]).

Действительно, в сочетаниях *глазное яблоко* и *сладкое яблоко* слово *яблоко* используется в разных значениях, т. е. мы обнаруживаем не тождественность значения субстантивного компонента в составе цельного словосочетания значению субстантивного компонента в свободном употреблении.

Если проведем анализ словосочетаний со словом *афиша* (например, *Яндекс Афиша*, *Мобильная Афиша*, *красочная афиша*, *театральная афиша*, *старая афиша* и др.), то увидим, что во всех этих сочетаниях слово *афиша* сохраняет свое лексическое значение, а именно:

объявление о спектакле, концерте, фильме, лекции (обычно красочно оформленное и вывешенное на видном месте [Большой толковый словарь русского языка 2000]).

Кстати, аналогичным образом сохраняется и значение элемента *Яндекс* как названия крупнейшей компании и, соответственно, крупнейшего поискового сервера в любых сочетаниях с его использованием: *Яндекс Афиша*, *Яндекс Взгляд*, *Яндекс Пробки* и т. д.

Иными словами, можно утверждать, что элементы, образующие исследуемое сочетание, сохраняют в рамках этого сочетания свое значение.

4. Являются ли слова, образующие исследуемое словосочетание, информативными? Каждое ли из слов приносит значимую информацию в понимание общего смысла сочетания?

В свободном словосочетании каждое из слов приносит значимую информацию в понимание общего смысла. В цельном словосочетании информация, приносимая отдельным словом, может и не проливать свет на общее понимание сочетания. Например, в сочетании *глазное яблоко* элемент *яблоко* не приносит информации, влияющей на общее понимание сочетания, поскольку *глазное яблоко* не имеет ничего общего с *яблоком* и той информацией, которую несет слово *яблоко*.

В исследуемом же обозначении «Яндекс Афиша»:

- элемент *афиша* приносит значимую информацию в понимание общего смысла сочетания с элементом *Яндекс*: «Яндекс Афиша» это не просто крупнейший поисковик, не просто сервис Яндекса, а такой сервис, который предлагает покупку и бронирование билетов на различные развлекательные мероприятия, это такой сервис, который содержит информацию о спектакле, концерте, фильме, лекции (см. значение слова *афиша* выше и в: [Большой толковый словарь русского языка 2000]);

- элемент *Яндекс* также приносит значимую информацию в понимание общего смысла сочетания с элементом *афиша*: Яндекс Афиша это не просто объявление о спектакле, концерте, фильме, лекции, а такое объявление, которое является сервисом Яндекса.

Иными словами, каждое из слов приносит значимую информацию в понимание общего смысла сочетания *Яндекс Афиша*.

5. Приближается ли значение исследуемого словосочетания к отдельному слову?

Как известно, значение цельного словосочетания приближается к отдельному слову, например: *земной шар* – планета, *бить баклуши* – бездельничать, *в грубой форме* – грубо и т. п.

Что касается исследуемого словосочетания *Яндекс Афиша*, то нами не выявлено ни одного однословного варианта, приближенного по своему значению к значению исследуемого словосочетания.

б. Могут ли заменяться элементы исследуемого словосочетания другими элементами?

Ключевое отличие свободных словосочетаний заключается в том, что их элементы могут быть заменены словами той же самой морфологической категории. Например, прилагательное в сочетании *красная осень* может быть заменено другим – желтая, теплая, холодная. В данном случае словосочетание лексически не ограничено, поэтому замена, выполненная согласно коммуникативному требованию, не вызывает каких-либо сложностей. Этого нельзя сказать о цельных словосочетаниях (например, то, что мы называем глазным яблоком, будет таким яблоком лишь в строго определенном сочетании, а именно в сочетании *глазное яблоко*, а не вкусное яблоко, спелое яблоко и т. п.).

В случае обозначения «Яндекс Афиша» элементы могут быть заменены словами той же морфологической категории, причем это касается как элемента *афиша*, так и элемента *Яндекс*, например: МТС Афиша, Яндекс Взгляд, Яндекс Маркет и т. п.

Иными словами, связь между словами в составе сочетания *Яндекс Афиша* не является неразделимой.

Таким образом, видим, что при исследовании словосочетания *Яндекс Афиша* не выявляются языковые маркеры цельного словосочетания:

- исследуемое словосочетание не является фразеологизмом;
- исследуемое словосочетание не является синлексом;
- слова, образующие исследуемое сочетание, сохраняют самостоятельное значение и, соответственно, исследуемое словосочетание оказывается делимой в семантическом отношении конструкцией;
- слова, образующие исследуемое словосочетание, являются информативными, каждое из слов привносит значимую информацию в понимание общего смысла сочетания;
- значение исследуемого словосочетания не приближается к значению отдельного слова;
- элементы исследуемого словосочетания могут свободно заменяться другими элементами.

Иными словами, словосочетание *Яндекс Афиша* не является цельным. Это сочетание не представляет собой единую лексическую и семантическую конструкцию.

Конечно, в редких частных случаях возможны ситуации, когда несколько отдельных, самостоятельных изначально слов могут начать восприниматься как единый семантический элемент по причине композиционного построения элементов в обозначении, в итоге комбинация этих слов, являющихся самостоятельными лексическими единицами, также начинает восприниматься как единое целое.

Например, к таким случаям могут быть причислены обозначения: *Прокофий* (название кофейни, воспринимается как единое целое – а именно как имя человека, несмотря на то, что состоит из двух «исторически» самостоятельных элементов: предлог *про* и существительное *кофий* (устаревшее от кофе), единство восприятия усиливается еще и за счет слитного написания), *ЧайКоффский* (название кафе, также воспринимается как единое целое – а именно как фамилия известного композитора, несмотря на то, что скомбинировано из двух изначально самостоятельных элементов – *чай* и *кофе*, и опять же при слитном написании) и т. п.

Подобное возможно и в тех случаях, когда составное обозначение является прецедентным (см. подробнее: [Бакич 2018: 185]), например: «Слон и Моська», «Золотой теленок», «Гуси-Лебеди» и др.

Наконец, целостное восприятие обозначения, состоящего из самостоятельных лексических единиц, возможно в ситуации так называемой языковой игры (например, обозначение соевых продуктов «Соя Петровна», ставшее примером языковой игры на фонетическом уровне) (см.: [Курганова 2004: 107]). Еще один пример языковой игры – обозначение «ДомКлик», в котором целостность восприятия «подстегивается» рекламным слоганом: «от поиска до переезда – один домклик», где осуществляется подмена единиц измерения.

Совершенно очевидно, что обозначение «Яндекс Афиша» не относится к подобным исключениям ни в силу семантики составляющих элементов, ни в силу графического исполнения, что подтверждает релевантность сформулированного ранее вывода.

В целом же можно утверждать, что разработка и дальнейшее совершенствование методики определения целостного обозначения будет способствовать получению объективного результата в лингвистической экспертизе товарных знаков.

Литература

Бакич (Самыличева) Н.А. Трансформация прецедентных феноменов в медийном тексте как проявление речевой креативности / Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. – Сер. Филология. – 2018. – № 5. – С. 185–190.

Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2000.

Дударева Я.А. Методика определения ассоциативного сходства товарных знаков: пропозициональный анализ / Вестник Кемеровского государственного университета. – Кемерово, 2012. – №1. – С. 143–148.

Каменская О.Г., Кан Р.А. Современный русский язык. Ч. 3. Синтаксис. Тольятти, 2012.

Климовская Г. И. Дело о синлексах (К вопросу о функциональном подходе к номинативному материалу языка) / Вестник Томского государственного университета. – Сер. Филология. – 2008. – № 3 (4). – С. 44–54.

Курганова Е.Б. Игровой аспект в современном рекламном тексте. Воронеж, 2004.

Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1990.

Не следует разделять элементы товарного знака на сильные и слабые, если в сознании потребителя это единое целое. URL: <http://ipcmagazine.ru/news/5935-news4520>.

- Новичихина М.Е. О некоторых трудных случаях лингвистической экспертизы товарных знаков / Вестник Воронежского государственного университета. – Сер. Филология. Журналистика. – 2012. – № 1. – С. 221–227.
- Новичихина М.Е. О нерешенных вопросах и перспективах лингвистической экспертизы товарных знаков / Вестник Воронежского государственного университета. – Сер. Филология. Журналистика. – 2019. – № 1. – С. 127–129.
- Пипченко Н.М. Современный русский язык: Синтаксис словосочетания и простого предложения. Минск, 2008.
- Руководство по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака и выдаче свидетельств на товарный знак, знак обслуживания, коллективный знак, их дубликатов (утв. приказом Роспатента от 24 июля 2018г., №128). URL: <https://rulaws.ru/acts/Rekomendatsii-po-osuschestvleniyu-administrativnyh-protsedur-i-deystviy-v-ramkah-predostavleniya-gosudarst-solt-bucjeeid/>.
- Синтаксис современного русского языка / под ред. С.В. Вяткиной. СПб., 2009.
- Стернин И.А. Основы лингвокриминалистики. Воронеж, 2018.
- Цой Е.В. Адвербиальный синлекс и свободное словосочетание в обстоятельственной функции / Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 5 (23). – С. 211–213.

References

- Bakich (Samylicheva), N.A. (2018). Transformation of precedent phenomena in the media text as a manifestation of speech creativity. *Bulletin of the Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky. Philology*, 5, 185–190 (in Russian).
- Dudareva, Ya.A. (2012). The methodology for determining the associative similarity of trademarks: propositional analysis. *Bulletin of the Kemerovo State University*, 1, 143–148 (in Russian).
- Guidelines for the implementation of administrative procedures and actions within the framework of the provision of state services for state registration of a trademark, service mark, collective mark and issuance of certificates for a trademark, service mark, collective mark, their duplicates (approved by the order of Rospatent dated July 24, 2018, no.128). URL: <https://rulaws.ru/acts/Rekomendatsii-po-osuschestvleniyu-administrativnyh-protsedur-i-deystviy-v-ramkah-predostavleniya-gosudarst-solt-bucjeeid/> (in Russian).
- Kamenskaya, O.G., Kan, R.A. (2012). Modern Russian language. Part 3. Syntax. Tolyatti (in Russian).
- Klimovskaya, G. I. (2008). The case of synlexes (To the question of the functional approach to the nominative material of the language). *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 3 (4), 44–54 (in Russian).
- Kurganova, E.B. (2004). The gaming aspect in the modern advertising text. *Voronezh* (in Russian).
- Large explanatory dictionary of the Russian language. (2000). S.A. Kuznetsov (Ed.). Saint-Petersburg (in Russian).
- Linguistic encyclopedic dictionary. (1990). V.N. Yartseva (Ed.). Moscow (in Russian).
- Novichikhina, M.E. (2012). Concerning some difficult cases of trademark linguistic expert examination. *Proceedings of Voronezh State University. Philology. Journalism*, 1, 221–227 (in Russian).
- Novichikhina, M.E. (2019). Unsettled issues and perspectives of linguistic expert examination of trademarks. *Proceedings of Voronezh State University. Philology. Journalism*, 1, 127–129 (in Russian).
- Pipchenko, N.M. (2008). Modern Russian: The syntax of a phrase and a simple sentence. Minsk (in Russian).
- Sternin, I.A. (2018). Fundamentals of linguocriminalism. *Voronezh* (in Russian).
- Syntax of the modern Russian language. (2009). S.V. Vyatkina (Ed.). Saint-Petersburg (in Russian).
- Tsoi, E.V. (2013). Adverbial synlex and free phrase in adverbial function. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 5 (23), 211–213 (in Russian).
- You should not divide the elements of a trademark into strong and weak, if in the mind of the consumer it is a single whole. URL: <http://ipcmagazine.ru/news/5935-news4520>.

Citation:

- Новичихина М.Е. Об обозначениях, образующих единую семантическую конструкцию, в лингвистической экспертизе // Юрислингвистика. – 2022. – 24. – С. 32–37.
- Novichihina M.E. (2022). On Commercial Names Forming a Single Semantic Construction in Forensic Linguistic Examination. *Legal Linguistics*, 24, 32–37.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Треш-контент как форма информационных угроз медиабезопасности в цифровой среде¹

К.М. Богатырев

*Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., 9, 125993, Москва, Россия. E-mail: kbog@rambler.ru*

В настоящей статье в рамках разработки частной теории обеспечения медиабезопасности в цифровой среде анализируется треш-контент как возможная форма выражения информационных угроз. Методологическую основу настоящего исследования составляет аналитическая философская традиция наряду с общенаучными методами (описание, сравнение, обобщение и др.), а также частно-научными методами (формально-юридическим, сравнительно-историческим, сравнительно-правовым и др.).

Изучена литература по вопросам опасности треш-контента, возможности проявления в нем информационных угроз. Проанализирована коммуникативная сущность данной категории информационной продукции, проведен анализ смыслового наполнения сопутствующих терминов. Изучены конкретные, наиболее показательные примеры распространения такой информации, а также изучен вопрос соотношения треш-контента с другой разновидностью информационной продукции – шокирующей (шок-контентом). Исследование показало, что треш-контент – это одна из возможных форм информационной продукции, в которых находят выражение информационные угрозы. Также сделан вывод, что это скорее оценочная характеристика информационных продуктов, и связанные с его распространением действия могут как иметь, так и не иметь противоположный характер.

Ключевые слова: треш-контент, медиабезопасность, цифровая среда, информационная угроза, судебная экспертология.

Trash Content as a Form of Information Threats to Media Security in the Digital Environment

K.M. Bogatyrev

*Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9 Sadovaya-Kudrinskaya st., 125993, Moscow, Russia. E-mail: kbog@rambler.ru*

This article considers information threats in trash content in order to develop a system of media security in the digital environment. The methodological basis of this work was the analytical philosophical tradition along with such general scientific methods of cognition as analogy, comparison, generalization, etc. Also special scientific methods of cognition were used: technical legal, comparative-historical, comparative-legal methods, etc.

Trash content was analysed in the context of media security in digital environment. Manifestations of information threats in this type of content were also examined. The study showed that trash content is just one of the possible forms of content in which various information threats find expression. To intimidate the manifestations of information threats in trash content, it is necessary to consolidate the efforts of the state and society.

Key words: trash content, media security, digital environment, information threat, forensic expertology.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00190 «Концептуализация противодействия информационным угрозам в интернет-среде с использованием специальных юрико-лингвистических знаний».

Введение. Информация в сети Интернет разнообразна как по своей форме, так и по смысловой направленности. Безусловно, большая ее часть является полезной (образовательной, научной, связанной с творчеством) и имеет соответствующую целевую аудиторию (ту, которая оптимально воспринимает такую информацию; особенности восприятия зависят от возраста, уровня образования, этнического, религиозного и культурного бэкграунда). Однако, наряду со спросом на полезную информацию, существует также спрос на информационную продукцию, форма и содержание которой могут не отвечать требованиям закона, не соответствовать критериям общественной морали и нравственности.

Информация, связанная с порицаемыми в обществе явлениями (такими как различного рода зависимости (наркомания, токсикомания, алкоголизм и т. д.), разнузданная половая жизнь и ее отклонения (связанная с оказанием соответствующих услуг за плату и без, с публичным совершением действий такого характера), хулиганство и вандализм, замкнутое и антисоциальное поведение, психические расстройства, насилие и т. д.), к сожалению, имеет хождение именно потому, что некоторым людям она нужна; одним – для удовлетворения собственных потребностей, другим – для удовлетворения запросов окружающих. Очевидно, что такие информационные продукты сами по себе несут серьезные коммуникационные риски (в первую очередь – для несовершеннолетних, а в целом – для любых впечатлительных людей); кроме того, процесс их создания также может прямо или косвенно нарушать закон [Галяшина, Никишин 2021].

Треш-контент. В последнее время особенно выделяется в информационном поле продукция провокационной направленности, связанная с перечисленными выше явлениями и условно обозначаемая как «треш-контент». До тех пор, пока она была уделом определенной маргинальной публики и не находилась в фокусе общественного внимания, она представлялась не более чем девиацией, пусть в отдельных случаях и достаточно серьезной. Однако изменения, произошедшие в последние 10–15 лет и связанные с совершенствованием информационных систем и сетей, привели к широкому распространению контркультурных и маргинальных феноменов, их частичному включению в парадигму массовой культуры [Грачева, Маликов 2021; Фильченко 2021].

Отчасти это можно связать с неприязнательностью самой публики, которая больше интересуется происшествиями, скандалами и конфликтами приземленного, бытового характера, нежели сложной учебно-научной литературой, информационной продукцией классической направленности и т. д. Интерес к грубому, уродливому и приземленному не нов, просто ранее он проявлялся по-иному. Отчасти это было реакцией на высокую (и потому непонятную для многих) культуру образованных слоев, вызывавшую неприятие и становившуюся объектом для надругательств и пародий; отчасти было свойственно людям само по себе и обусловлено их природой. В любом случае, факт в том, что информация негативного плана вызывает больше интереса у публики, распространяется быстрее и дольше сохраняется в массовом сознании.

С вступлением человечества в эпоху постмодерна такие готовые формы стали в том числе использоваться при создании новых объектов искусства (фильмов, музыки, печатной продукции и иного контента). Кроме того, доступ к творческому инструментарию получили все желающие: как творчески одаренные, так и, по правде говоря, бездарные. Это, вкупе с доступом к информационным ресурсам, привело к экспоненциальному росту объема информации.

Часть ее относится к кратко описанной выше категории «треш-контента», получающей все большее распространение и несущей общественные риски. Для начала мы разберем основные понятия, необходимые нам для понимания темы, а затем рассмотрим конкретные примеры такого рода информационной продукции.

Треш (англ. trash, мусор) – в переносном значении нечто нарочито вульгарное, неэстетичное, грубое и примитивное, вызывающее отторжение своей формой и (или) содержанием. Данная характеристика универсальна и может применяться практически к любому явлению окружающей действительности, в т. ч. к информации, информационной продукции.

Информация – сведения, данные вне зависимости от формы представления. Контент – любая информационная продукция вне зависимости от жанровой и любой другой принадлежности. Существует и нормативное понимание контента [Богатырев 2021], в рамках которого он рассматривается как информация и иное содержимое, доводимое до пользователя через его органы чувств с помощью пользовательского приложения. Пользовательское приложение – любое программное обеспечение, получающее, обрабатывающее и представляющее контент пользователям.

Таким образом, треш-контент как категория чрезвычайно разнообразен, к нему может относиться любая информационная продукция. Это может быть информационная продукция, намеренно или ненамеренно сделанная плохо по своей форме, имеющая аморальную, антигуманную смысловую направленность, затрагивающая табуированную для светского общения тематику. Приведем примеры такого контента, распространяемого посредством сети Интернет:

- тексты (распространяемые как СМИ, так и отдельными пользователями);
- кинематографическая продукция (как крупнобюджетное студийное кино с взрослым рейтингом, так и независимые, в т. ч. короткометражные, фильмы);
- пользовательский аудио- и видеоконтент (как правило, размещаемый в социальных сетях или на специальных хостингах);
- визуальная продукция (комиксы, рисунки, мемы, демотиваторы и т. д.);
- игровая продукция (компьютерные игры и связанный с ними интерактивный контент);
- контент потоковых сервисов (т. н. стримы) и т. д.

Важное место при рассмотрении треш-контента занимают т. н. фрики (от англ. freak – ненормальный, также фанатик, человек, помешанный на чем-либо) – люди, отличающиеся ярким, необычным, экстравагантным внешним видом и/или обладающие вызывающим поведением, а также неординарным мировоззрением в результате отказа от неких социальных стереотипов. Главная черта фриков – их явное серьезное отличие в чем-то от большинства людей; такое отличие может быть врожденным (например, изменения вследствие генетических сбоев и болезней) или приобретенным (как сознательным выбором, так и следствием не зависящих от воли лица обстоятельств). Особое место они занимают потому, что они (возможно, даже не осознавая этого) продуцируют треш-контент: с одной стороны – своими действиями, поведением, с другой стороны – вызывая реакцию окружающих.

Так или иначе, весь треш-контент либо связан с такой категорией людей, либо же представляет собой результат умелого подражания, намеренного старания сделать что-то настолько вопиюще грубое и неэстетичное, что привлечет внимание большой аудитории. При таком намеренном стремлении или же наличии склонности к случайному созданию треш-контента велик риск при нарушении норм общественной морали также перейти границы норм права. Это касается как действий, нарушающих законодательство и связанных с изготовлением и распространением информационной продукции, так и самих по себе противозаконных действий, которые фиксируются в информационных продуктах (например, запись жестокого обращения с животными, травли, запрещенной пропаганды и т. д. [Фильченко 2021]).

Как определить, что такое треш-контент? Представляется, что помочь в определении того, что следует относить к данной категории информации, нам может Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [2]. Так, данным законом к числу деструктивной информационной продукции, создающей угрозу для несовершеннолетних лиц (как для них не предназначенной), относится продукция, содержащая сцены насилия или жестокости, информацию эротического характера либо информацию, возбуждающую у детей страх, ужас, и иные виды потенциально вредной для них информации, если она способна причинить вред здоровью и развитию детей (причем не отдельного особо восприимчивого, а любого нормального ребенка определенной возрастной группы).

В этом же законе дан перечень информации, распространение которой среди детей определенных возрастных категорий запрещено или ограничено (ст. 5 ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»). Взяв этот список за основу, мы можем утверждать, что к треш-контенту относится информационная продукция, содержащая следующую информацию:

- побуждающая зрителя/читателя к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью, в том числе к причинению вреда своему здоровью, самоубийству, либо жизни и (или) здоровью иных лиц, либо направленная на склонение или иное вовлечение в совершение таких действий;
- обосновывающая или оправдывающая допустимость насилия и (или) жестокости либо побуждающая осуществлять насильственные действия по отношению к людям или животным, за исключением случаев, предусмотренных настоящим законом;
- отрицающая семейные ценности, пропагандирующая нетрадиционные сексуальные отношения и формирующая неуважение к родителям и (или) другим членам семьи;
- оправдывающая противоправное поведение;
- содержащая бранные слова и выражения, нецензурную брань;
- содержащая информацию порнографического характера;
- представляемая в виде изображения или описания жестокости, физического и (или) психического насилия, сексуального насилия, преступления или иного антиобщественного действия;
- вызывающая страх, ужас или панику, в том числе представляемая в виде изображения или описания в унижающей человеческое достоинство форме ненасильственной смерти, заболевания, самоубийства, несчастного случая, аварии или катастрофы и (или) их последствий.

Из самого термина «треш-контент» следует, что обладать какой-либо художественной ценностью такого рода информационная продукция не может в силу своего внешнего или содержательного убожества и безобразия. Таким образом, распространение данного контента через средства массовой коммуникации может быть ограничено в той части, в которой он противоречит действующему законодательству, а апелляция к его мнимой художественной ценности представляется ничтожной.

К поиску подходящего определения можно подойти и творчески, описав треш-контент как информационную продукцию, не подходящую для семейного просмотра, которую при этом далеко не каждый взрослый стал бы смотреть по своей воле. Таким образом, треш-контент сродни некоторым специфичным жанрам искусства, направленным на создание у реципиента определенного, зачастую некомфортного настроения (таким как ужасы и триллер). При этом некоторый ареол запретности, грубости и неприятности такой информационной продукции, напротив, может подстегивать интерес к ней у широких слоев населения по уже рассмотренным выше причинам.

Кроме того, к категории треша относится контент, в котором зафиксировано совершение неэтичных и противоправных действий (оскорбление, буллинг, насилие, жестокость по отношению к животным, нарушение ПДД, вандализм, хулиганство и т. д.). Более того, такие действия могут носить аутодеструктивный характер: автор может за плату (добровольные пожертвования, т. н. «донаты») выполнять различные, в т. ч. унижительные и болезненные, действия по отношению как к себе, так и к другим лицам.

Необходим ли термин «треш-контент»? Из приведенных выше рассуждений можно заключить, что речь идет о продукции, представляющей угрозу медиабезопасности. В таком случае может быть не очень понятно, что же мы

имеем ввиду; каковы границы обозначаемого данным термином явления; что попадает под понятие треша, а что – нет. Зададимся вопросом: не является ли в таком случае термин «треш-контент» излишним, не создает ли он путаницы?

Представляется, что все-таки нет, и данный термин не только не создает путаницы, но и позволяет лучше ориентироваться в разнообразии существующих в сети Интернет информационных угроз. Главная же проблема в использовании данного термина заключается в том, что основанием для отнесения информационной продукции к треш-контенту является не какой-то объективный параметр; данный процесс носит оценочный характер. Когда мы говорим о том, что некий информационный продукт – нарочито вульгарный, грубый, примитивный и отвратительный, то мы должны также брать в расчет ту систему ценностей, которая служит эстетическим и этическим основанием для такой оценки.

Ранее мы уже поднимали вопрос о духовно-нравственной основе, в качестве которой в нашем государстве принимаются традиционные духовно-нравственные ценности народов России. Однако, поскольку они не имеют четкого законодательного определения, в случае использования их в данном контексте появляется возможность для широких злоупотреблений. Важно помнить, что преследоваться по закону должно только то, что им запрещено, а не то, что кому-то не нравится (если же подобное происходит, то это можно назвать не иначе как дискриминация).

Именно по этой причине введение и использование в обиходе правоохранительных органов такого носящего оценочную природу термина, как треш-контент, недопустимо до тех пор, пока мы четко не определились с тем, что мы точно считаем противоречащим общественной морали и вкусу, а что нет, и на каком основании. Вместе с тем использование данного термина представляется рациональным при разработке новых квалифицирующих признаков для уже криминализованных деяний, но не для создания новых составов преступления (именно по причине того, что треш-контент противоправен не сам по себе, а в связи с некими противоправными деяниями). Также имеет смысл осуществлять криминализацию отдельных конкретных, несущих общественную опасность, действий, связанных с отдельными видами треш-контента, например – со стримами [Грачева, Маликов 2021: 209].

Некоторые отдельные примеры треш-контента. В последнее время особенно широко обсуждаются т. н. треш-стримы – трансляции, в рамках которых в прямом эфире демонстрируются издевательства над людьми. По мнению, высказанному представителями правоохранительных органов, такие стримы повышают агрессию в обществе, а также толерантность к девиантному поведению; по их словам, подобный контент способен приводить к негативным последствиям: он повышает уровень агрессии в обществе, формирует толерантное отношение к наиболее циничным формам девиантного поведения, создает позитивный образ треш-стримера. Названные обстоятельства диктуют необходимость комплексных мер реагирования в сфере противодействия преступлениям, которые сопровождаются публичной демонстрацией в Интернете.

При этом подчеркивается, что за совершение противоправных деяний законодательством уже предусмотрена уголовная или административная ответственность вне зависимости от того, транслируются преступления в Интернете или нет, следовательно, мы имеем дело не с новыми родами преступлений, а с разновидностями старых (следовательно, достаточно введения квалифицирующих признаков).

Тезисы об угрозе треш-стримов подтверждаются большим количеством примеров в СМИ [3] (рассмотрим наиболее показательные):

Одним из первых каналов с треш-стримами в России был Youtube-канал «Мопс дядя Пес» [Грачева, Маликов 2021: 204]. Его ведущие, Андрей Щадило и Сергей Новик (псевдоним Мопс дядя Пес) с 2016 года популяризировали онлайн-унижения за денежное вознаграждение от зрителей в прямом эфире. За 50 тысяч рублей контентмейкеры могли выстрелить друг в друга из травматического оружия или получить любую травму на выбор зрителей. В 2019 году один из основателей скончался от двусторонней пневмонии. Сообщалось, что одной из причин стало злоупотребление алкоголем, в том числе в прямом эфире. К этому моменту аудитория канала превысила полмиллиона человек, а треш-стримы стали отдельным жанром видео, в которых ведущий совершает с собой или своими гостями опасные для жизни и здоровья вещи.

В декабре 2020 российский стример Станислав Решетняк (псевдонимы – Reeflay, Panini) в прямом эфире транслировал гибель своей подруги Валентины Григорьевой [Грачева, Маликов 2021: 204; Буткевич 2021: 335]. 27 апреля 2021 г. суд признал Решетняка виновным в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшем смерть (ч. 4 ст. 111 УК РФ), и назначил ему наказание в виде шести лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима [4].

Как можно заметить, этими фактами подтверждается и тезис о фриках как основных изготовителях треш-контента. В Рунете их большое количество: от Кирилла «Vjlink» Зырянова и Романа «Ozon671games» Мальцева до Гобзавра и Людмурика (блогера Андрея Яшина и его матери). Некоторые люди, напротив, фриками не являются, но стараются мимикрировать под них, чтобы заработать деньги на скандальной популярности (как тот же Решетняк). По итогу обсуждения данного вопроса следует отметить, что треш-стримы – лишь один из наиболее ярких примеров треш-контента, и ими проблема далеко не исчерпывается.

Шок-контент. Определенное сходство у треш-контента имеется с шок-контентом, однако это далеко не одно и то же. Ярким примером близости данных понятий является та же ситуация со Станиславом Решетняком и гибелью его девушки, которая транслировалась в прямом эфире. Треш-контент может быть связан с изображением или описанием жестокости, физического и (или) психического насилия, сексуального насилия, преступления или иного антиобщественного действия; шок-контент же содержит натуралистичное и циничное описание неприглядных аспектов окружающей действительности, натуралистичное насилие, его эстетизацию [Ивлиев, Ананьева 2021;

Филатова, Карпова 2021]. В качестве примеров можно привести снафф (видеозапись настоящего убийства человека, сделанная с целью последующего распространения для развлекательных целей), японский жанр гуру (характеризуется наличием сцен, вызывающих отвращение у большинства людей, странных, абсурдных и выходящих за рамки привычного), детальное изображение травм, физиологических процессов и т. д.

Если основная цель треш-контента – заработок денег за счет скандального ажиотажа, привлечения внимания, то цель шок-контента – поразить своим содержанием и вызвать у реципиента сильнейшие негативные эмоции (страх, ужас, отвращение и т. д.). Информационные продукты, попадающие под понятие шок-контента, полностью запрещены для детей. Кроме того, они также запрещены для распространения в СМИ как пропагандирующие культ насилия и жестокости (ст. 4 Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации») [5].

Выводы. Треш-контент – это любая информационная продукция вне зависимости от жанровой и любой другой принадлежности, характеризующаяся как нарочито вульгарная, неэстетичная, грубая и примитивная, вызывающая отторжение своей формой и (или) содержанием; это информационная продукция, не подходящая для семейного просмотра, которую далеко не каждый взрослый стал бы смотреть по своей воле. Конкретных прикладных рекомендаций по борьбе с ним дать нельзя, поскольку данное явление деструктивно только в связи с некими преступлениями, и бороться необходимо именно с ними (с учетом их специфики). В настоящее время использование данного термина – скорее дань моде, нежели свидетельство появления нового особого рода информационных угроз. Стоит также отметить, что распространение такого рода контента (как треш, так и шок-направленности) в том или ином виде запрещено правилами всех социальных сетей (такими как Twitter, Facebook, ВКонтакте, Одноклассники и т. д.); на контент, нарушающий такие правила, пользователи могут пожаловаться (при этом выбрав причину жалобы), после чего виновник будет привлечен к ответственности (например, ему ограничат функционал или его учетная запись будет временно или permanently заблокирована).

В заключение еще раз заострим внимание на следующем: характеристика информационной продукции как треша контекстуальна, носит оценочный характер, зависит от конкретного времени и места, устоев конкретного общества. Информация о некоторых процессах, объектах и явлениях (например, о каннибализме, женском обрезании, шрамировании, употреблении алкоголя и т. д.), в одном обществе воспринимаемая как одиозная, в другом контексте может встретить толерантное отношение. Поэтому, с одной стороны, нельзя однозначно считать противоправной любую информационную продукцию, характеризующуюся как треш, а с другой – нужно понимать, что треш-контент, свободно распространяемый посредством Интернета без правовых последствий, может нарушать действующее отечественное законодательство.

Примечания

1. ГОСТ Р 52872-2019 Интернет-ресурсы и другая информация, представленная в электронно-цифровой форме. Приложения для стационарных и мобильных устройств, иные пользовательские интерфейсы. Требования доступности для людей с инвалидностью и других лиц с ограничениями жизнедеятельности [Электронный ресурс] / ГОСТ Р 52872-2019: утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 29 августа 2019 г. № 589-ст.: офиц. текст: по состоянию на 20 августа 2021 г.
2. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 48.
3. Треш-контент: водка в глазах и смерть на морозе. Вести.Ру // URL: <https://www.vesti.ru/article/2495086>; Облить зелёной с головы до ног: жизнь и хаос интернет-трансляций, где за деньги унижают и избивают людей. TJournal.ru // URL: <https://tjournal.ru/internet/189382-oblit-zelenkoy-s-golovy-do-nog-zhizn-i-haos-internet-translyaciy-gde-za-dengi-unizhayut-i-izbivayut-lyudey>; Шок-контент: почему стали популярны треш-стримы и как с этим бороться. Новости Hi-Tech Mail.ru // URL <https://hi-tech.mail.ru/review/52595-shok-kontent-pochemu-stali-populyarny-tresh-strimy-i-kak-s-etim-borotsya/>; Смерть в прямом эфире: что такое треш-стримы и как умерла их участница. BBC // URL: <https://www.bbc.com/russian/features-55238100>; Российские треш-стримы: унижения за деньги. RUSSIA BEYOND // URL: <https://ru.rbth.com/read/1290-russkie-tresh-strimy>; Хлеба и стрима. Как остановить унижения и издевательства в Сети. Интернет-портал «Российской газеты» // URL: <https://rg.ru/2021/02/03/kak-ostanovit-unizheniia-i-izdevatelstva-v-seti.html>.
4. Раменский городской суд Московской области // URL: https://ramenskoe-mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=280356041&delo_id=1540006&new=&text_number=1.
5. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 7. Ст. 300.

Литература

Богатырев К.М. Медиабезопасность в цифровой среде: криминалистический аспект / Теория и практика расследования преступлений : Материалы IX Международной научно-практической конференции, Краснодар, 15 апреля 2021 года / Краснодар, 2021. - С. 292-296.

Богатырев К.М. Формирование частной теории использования специальных знаний в целях обеспечения информационно-мировоззренческой безопасности в цифровой среде / Актуальные проблемы российского права. - 2021. - Т. 16. - № 10(131). - С. 124-134.

- Буткевич С.А. Предупреждение угроз ментальной безопасности: правовой, криминологический и психолого-педагогический инструментарий / Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. - 2021. - Т. 7. - № 2. - С. 310-322.
- Буткевич С.А. Предупреждение угроз ментальной безопасности (конструктивный и праксеологический подходы) / Таврические студии. Серия: Культурология. - 2021. - № 27. - С. 10-17.
- Галяшина Е.И., Никишин В.Д. Деструктивное речевое поведение в цифровой среде: факторы, детерминирующие негативное воздействие на мировоззрение пользователя / Lex russica (Русский закон). - 2021. - № 6(175). - С. 79-94.
- Галяшина Е.И., Никишин В.Д. Юридикологический подход к исследованию поликодовых текстов криминогенной коммуникации в цифровой среде в целях обеспечения информационной (мировоззренческой) безопасности / Актуальные проблемы российского права. - 2020. - Т. 15. - № 6(115). - С. 179-193.
- Грачева Ю.В., Маликов С.В. Треш-стрим: социальная обусловленность криминализации / Актуальные проблемы российского права. - 2021. - № 6(127). - С. 202-210.
- Кошелюк Б.Е., Ивлиев П.В. Массмедиа как способ формирования социальных ценностей / Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 10(161). - С. 70-71.
- Ивлиев П.В., Ананьева Е.О. Социальная ответственность массмедиа за формирование ценностей населения / Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 11(162). - С. 194-195.
- Никишин В.Д. Колумбайн (скулшутинг): сущность, правовая квалификация, криминалистическая диагностика / Lex russica (Русский закон). - 2021. - № 11(180). - С. 62-76.
- Рацибурская Л.В. Специфика русских медийных новообразований в отражении социальных реалий / Русистика. - 2021. - Т. 19. - № 4. - С. 466-480.
- Филатова Е.В., Карпова О.В. Шок-контент и эмоциональная безопасность личности / Безопасность городской среды : Материалы VIII Международной научно-практической конференции, Омск, 18–20 ноября 2020 года. - Омск, 2021. - С. 334-341.
- Фильченко А.П. Охрана общественной нравственности от посягательств в форме прямых трансляций противоправного поведения (треш-стримов) / Труды Академии управления МВД России. - 2021. - № 4(60). - С. 90-100.
- Щетинина Е.В. Проблемы развития культуры насилия в интернет-пространстве / Инновационное развитие профессионального образования. - 2018. - Т. 18. - № 2. - С. 127-130.
- Щетинина Е.В. Работа киберлаборатории как фактор профилактики экстремистских и террористических проявлений в сети «Интернет» / Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. - 2018. - Т. 18. - № 1. - С. 115-119.

References

- Bogatyrev, K.M. (2021). Developing a Special Theory of Expert Knowledge Use with a view to Ensuring Information and Worldview Security in the Digital Environment. *Actual Problems of Russian Law*, 10 (131), 124-134 (in Russian).
- Bogatyrev, K.M. (2021). Media security in the digital environment: a forensic aspect / *Theory and practice of crime investigation: Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference, Krasnodar, April 15, 2021. Krasnodar*, 292-296 (in Russian).
- Butkevich, S.A. (2021). Prevention of threats to mental security: legal, criminological and psychological and pedagogical tools. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science*, 2, 310-322 (in Russian).
- Butkevich, S.A. Prevention of threats to mental security (constructive and praxeological approaches) / *Taurida studies. Series: Culturology*. (2021). 27, 10-17 (in Russian).
- Filatova E.V., Karpova O.V. (2021). Shock content and emotional security of the individual. Security of the urban environment: Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference, Omsk, November 18–20, 2020. Omsk, 334-341 (in Russian).
- Fil'chenko, A.P. (2021). Protection of public morality from attacks in the form of live broadcasts of illegal behavior (trash streams). *Journal of Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 4(60), 90-100 (in Russian).
- Galyashina, E.I., Nikishin, V.D. (2020). Legal Linguistic Approach to the Study of Criminogenic Communication Polycode Texts in the Digital Environment in order to Ensure Information (Worldview) Security. *Actual Problems of Russian Law*, 6(115), 179-193 (in Russian).
- Galyashina, E.I., Nikishin, V.D. (2021). Destructive Speech Behavior in the Digital Environment: Factors that Determine the Negative Impact on the User's Worldview. *Lex russica*, 6(175), 79-94 (in Russian).
- Gracheva, Yu.V., Malikov S.V. (2021). Trash stream: social conditioning of criminalization. *Actual Problems of Russian Law*, 6(127), 202-210 (in Russian).
- Ivliev, P.V., Ananjeva, E.O. (2021). Social responsibility of the mass media for shaping the values of the population. *Eurasian Law Journal*, 11(162), 194-195 (in Russian).
- Koshelyuk, B.G., Ivliev, P.V. (2021). Mass media as a way to form social values. *Eurasian Law Journal*, 10(161), 70-71 (in Russian).
- Nikishin, V.D. (2021). The Columbine (School Shooting): Essence, Legal Qualifications, Forensic Diagnostics. *Lex russica*, 11(180), 62-76 (in Russian).

Ratsiburskaya, L.V. (2021). The specificity of Russian media neoderivatives reflecting social realia. *Russian Language Studies*, 4, 466-480 (in Russian).

Schetinina E.V. (2018). Problems of violence culture development in the internet. *Innovative development of vocational education*, 2, 127-130 (in Russian).

Schetinina E.V. (2018). Work of the cyber laboratory as a factor preventing extremist and terrorist activities on the internet. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*, 1, 115-119 (in Russian).

Citation:

Богатырев К.М. Треш-контент как форма информационных угроз медиабезопасности в цифровой среде // Юрислингвистика. – 2022. – 24. – С. 38-44.

Bogatyrev K.M. (2022). Trash Content as a Form of Information Threats to Media Security in the Digital Environment. *Legal Linguistics*, 24, 38-44.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

«Оскорбление религиозных чувств»: обыденное сознание и правоприменение

С.В. Доронина¹, М.В. Кащаева², Ю.В. Трубникова³

¹Алтайская лаборатория судебной экспертизы
ул. Ленина 151 Г, 656036, Барнаул, Россия. E-mail: doroninasv73@mail.ru

Алтайский государственный университет
Ул. Димитрова, 66, 656049, г. Барнаул. E-mail: ²mirra2407@mail.ru, ³yuvtrubnikova@yandex.ru

Статья посвящена определению границ понятия «оскорбление религиозных чувств» с точки зрения специалиста в области религиоведения, рядовых носителей языка и практикующего судебного эксперта-лингвиста. Материал исследования – интернет-комментарии к новостям на темы, связанные с религией, попавшие в поле зрения правоохранительных органов, анализируемый в аспекте соответствия нормам законодательства, регламентирующим права на свободу совести и вероисповедания, и нормам административного и уголовного права, направленным на защиту чувств верующих. В работе использованы методы формально-юридического анализа, описания, эксперимента, семантического исследования, данные социологического опроса. Анализ выявил причины возникающих социальных конфликтов: низкая правовая и коммуникативная грамотность пользователей Интернета, расширенное толкование понятия оскорбления в общественном и индивидуальном сознании по сравнению с системой права и субъективное восприятие языковых единиц как эмоционально-оценочных или, наоборот, нейтральных.

Ключевые слова: оскорбление религиозных чувств, нормы права, обыденное сознание, интернет-коммуникация, интернет-комментарий, языковая семантика.

"Insulting Religious Feelings": Everyday Consciousness and Law Enforcement

S.V. Doronina¹, M.V. Kashchaeva², Yu.V. Trubnikova³

Altai State Forensic Laboratory
151 G Lenin Street, Barnaul, Russia, 656036. E-mail: doroninasv73@mail.ru

Altai State University
66 Dimitrova Street, Barnaul, Russia, 656049. E-mail: ²mirra2407@mail.ru, ³yuvtrubnikova@yandex.ru

The article considers defining the boundaries of the concept of "insulting religious feelings" from the point of view of a specialist in the field of religious studies, ordinary native speakers and a practicing forensic linguist. The material for the study is Internet comments to the news on topics related to religion that came to the attention of law enforcement agencies, analyzed in terms of compliance with the norms of legislation regulating the rights to freedom of conscience and religion, and the norms of administrative and criminal law aimed at protecting the feelings of believers. The paper uses the methods of formal legal analysis, description, experiment, semantic research, sociological survey data. The analysis revealed the causes of emerging social conflicts: low legal and communicative literacy of Internet users, broad interpretation of the concept of insult in the public and individual

minds compared to the legal system, and the subjective perception of language units as emotionally evaluative or, on the contrary, neutral.

Key words: insult to religious feelings, legal norms, everyday consciousness, Internet communication, Internet commentary, language semantics.

1. Введение. Социально-телекоммуникационная сеть Интернет предоставляет широкие возможности совершения речевых правонарушений. «Криминализации» интернет-пространства способствуют его особые коммуникативные свойства:

Анонимность. Для распространения информации возможна регистрация под вымышленным именем. Это порождает использование псевдонимных аккаунтов лицами, осуществляющими публикацию, для сокрытия личности.

Массовость. Интернет-среда является наиболее доступным, дешевым и, следовательно, эффективным инструментом распространения информации.

Публичность. Информационно-телекоммуникационная сеть является основным средством обмена информацией как в официальном, так и в неофициальном формате. Интернет открыл возможность ухода от классического, непосредственного способа распространения информации, коим являлось размещение в общественных местах листовок, печатных изданий, плакатов; распространение информации в ходе публичных выступлений. В современном мире информация размещается виртуально – на форуме, в тематических группах, в новостной ленте, рассылается группе пользователей.

Высокая скорость обмена информацией. Интернет-среда позволяет мгновенно распространить информацию для определенной целевой (подписчики группы в социальной сети, участники чата в мессенджере типа WhatsApp, Telegram) или неопределенной (читатели новостных ресурсов, участники социальной сети) аудитории.

Анализ практики судебного эксперта-лингвиста позволяет выделить наиболее типичные формы распространения криминалистически значимой информации. Тексты размещаются

- в виде рекламных объявлений (в тематических группах);
- в группах социальной сети «ВКонтакте», «Одноклассники»;
- в форме комментариев в тематических группах социальных сетей, на форумах, новостных и иных ресурсах;
- в виде отзывов на ресурсах типа «Фламп», «Отзовик»;
- в межличностной переписке в социальных сетях или в программе «Скайп».

В общем числе лингвистических экспертиз количество исследований по материалам сети Интернет лавинообразно растет. Это связано как с увеличением речевых конфликтов и речевых правонарушений в интернет-пространстве, так и с возрастающими возможностями правоохранительных органов в организации контроля за виртуальным речевым поведением граждан. По данным архивов Алтайской лаборатории судебной экспертизы, за последние пять лет в сети Интернет выявлены речевые правонарушения, направленные против чести и достоинства личности, тексты с признаками речевого экстремизма и побуждения к терроризму, оскорбления чувств верующих. Последнее из названных правонарушений порождает в современном обществе наиболее острые дискуссии.

Активное обсуждение религиозной проблематики на страницах сети Интернет и существующий широкий спектр высказываний на религиозную тему побуждают к обсуждению вопроса об объективных и субъективных границах нормы речевого поведения в религиозных дискуссиях, носящих, как правило, острый характер. Данная проблема не может быть решена в рамках одной науки и требует междисциплинарного подхода. Поэтому целью данного исследования является определение границ понятия «оскорбление религиозных чувств» с нескольких позиций: с точки зрения специалиста в области религиоведения, рядовых носителей языка и, наконец, практикующего судебного эксперта. Несоответствия, выявленные в результате сравнения, позволят понять причины возникающих социальных конфликтов и наметить пути их преодоления.

2. Материалы и методы. Материалом исследования стали интернет-комментарии к новостям на темы, связанные с религией, попавшие в поле зрения правоохранительных органов. Для всестороннего исследования также проводился анализ норм законодательства, регламентирующих права на свободу совести и вероисповедания, а также норм административного и уголовного права, направленных на защиту чувств верующих.

Междисциплинарный подход к проблеме обусловил применение различных методов:

- Для исследования речевого материала из сети Интернет используется метод описания, включающий в себя процедуры сбора материала, его классификацию и типизацию.
- Для выявления субъективного мнения пользователей Интернета проводился опрос, а для получения когнитивной и эмоциональной оценки материала носителями русского языка – лингвистический эксперимент. В частности, использовалась методика семантического шкалирования.
- Для проведения экспертного анализа спорных контекстов использована группа методов семантического исследования: дефиниционный анализ лексических единиц, семантическая декомпозиция высказываний, анализ модальной организации предложений, стилистический анализ.
- К законодательным нормам применен метод формально-юридического анализа, позволивший определить влияние процессов социальной коммуникации на специфику применения положений 148 статьи Уголовного кодекса РФ.

3. Результаты. Как показывают наблюдения, верующие, особенно неопытные, болезненно воспринимают критическое отношение к их мировоззрению. Это, однако, не отменяет гражданских свобод выражения мнения и вероисповедания. Свобода выражения своего мнения, в том числе и по вопросам религии, рассматривается

современным обществом как одно из достижений западной цивилизации. Однако как в мировой, так и в российской практике обсуждения вопросов, связанных с религиозной проблематикой, имеются прецеденты, свидетельствующие о нарушении представителями СМИ и массмедиа прав и интересов различных конфессиональных групп. В мировой практике таким примером может служить ситуация вокруг французского литературно-художественного еженедельного журнала *Charlie Hebdo*. Летом 2008 года на страницах данного издания вышли карикатуры на сына президента Франции Жана Саркози. Автор материала высмеивал поведение Жана Саркози, который для заключения брака с невестой-иудейкой намеревался сменить вероисповедание с католического на иудейское. В 2008 году подобные насмешки были оценены обществом как антисемитские, поэтому автор карикатур был уволен из издания. В январе 2015 года карикатура на одного из лидеров группировки ИГИЛ стала основанием для вооруженного нападения, унесшего жизни 10 сотрудников редакции и 2 полицейских, охранявших офис редакции. В России одним из самых обсуждаемых прецедентов, свидетельствующих о разжигании религиозной вражды, стал так называемый «панк-молебен», проведенный в феврале 2012 года группой Pussy Riot в храме Христа Спасителя. В надзорных жалобах, поданных адвокатом Хруновой И.В., отмечалось, что Хамовнический районный суд города Москвы неправильно оценил действия группы Pussy Riot, квалифицировав их как действия, содержащие мотив религиозной ненависти и вражды. По замечанию адвоката, акция группы, проведенная с амвона храма Христа Спасителя, имела политический, а не религиозный характер, она была направлена против сращивания религиозных институтов и политической власти. Последним резонансным событием с участием медийной персоны, обвиняемой в оскорблении чувств верующих, стал случай с программой «Вечерний Ургант». 7 января 2020 года в своем шоу Иван Ургант разместил коллаж, в котором в роли Иисуса Христа изображен актер Николас Кейдж, в роли волхвов – Квентин Тарантино и Никита Михалков, а в роли Богородицы – Джордж Лукас. Подобная шутка стала поводом к активизации группы православных активистов «Сорок сороков», потребовавших снять передачу с эфира. Депутат Госдумы Н. Земцов обратился к Генеральному прокурору России И. Краснову с запросом завести уголовное дело на Ивана Урганта по ст. 148 Уголовного кодекса РФ за оскорбление чувств верующих.

Защита интересов конфессионально ориентированного населения в странах Евросоюза основана на Европейской конвенции по правам человека [European Union 1950: URL]. Ограничения в сфере свободы мысли, совести и религии обоснованы в том случае, если использование этих прав приобретает вызывающий характер и тем самым затрагивает общественное спокойствие. В других европейских странах существуют специальные нормы, связанные с защитой религиозного мировоззрения. Так, в Уголовном кодексе Федеративной Республики Германия присутствует §166 «Оскорбление вероисповеданий религиозных обществ и мировоззренческих объединений». Согласно данной норме распространение письменных материалов, оскорбляющих содержание религиозных исповеданий и мировоззрений другого, если такие действия вызывают нарушение общественного порядка, наказывается лишением свободы на срок до трех лет или денежным штрафом [Шнитенков 2014].

После того, как участницы скандальной группы Pussy Riot были привлечены к уголовной ответственности по статье «Хулиганство» (часть 2 статьи 213 Уголовного кодекса России), российский законодатель устремился к созданию в Уголовном кодексе отдельной нормы, связанной с защитой чувств верующих. В российском обществе подобная деятельность законодателя вызвала бурную общественную реакцию. Так, член Экспертного совета Общественной палаты РФ П. Адельгейм охарактеризовал данный закон как репрессивный, обязывающий суды разбираться в тонкостях психологии. Похожие комментарии звучали также из уст российских правозащитников, акцентировавших внимание на том, что закон защищает не чувства верующих, а религиозные институты от критики [Кацаева 2019]. В июне 2013 в Уголовном кодексе появилась статья 148 «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий», воспрещавшая оскорбление чувств верующих. В российской юридической науке по поводу ст. 148 УК РФ сложились противоречивые мнения. С одной стороны, норма ст. 148 УК РФ выделяет в качестве самостоятельного состава преступления «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств». Другим самостоятельным составом в ч. 3 ст. 148 выделено незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций, проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний. В данном виде норма подчеркивает публичность действий, приносящих вред обществу, что сопоставимо с правоприменительной практикой западноевропейских стран, например, Германии [Шилин 2016]. С другой стороны, исследователи отмечают, что данная норма приходит в противоречие с 28 ст. Конституции РФ, предоставляющей гражданину право иметь, распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Наличие в административном и уголовном праве норм со сходным составом образует коллизию норм права [Шнитенков 2014].

Необходимо отметить, что в 2012 году в российском законодательстве в рамках Федерального закона N 125 «О свободе совести и религиозных объединениях» в статье 3 существовали нормы, запрещающие воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и свободу вероисповедания, сопряженные с насилием, с умышленным оскорблением чувств граждан в связи с их отношением к религии. Умышленное публичное осквернение религиозной литературы, а также предметов религиозного почитания, знаков и эмблем религиозной символики запрещает статья 5.26 Кодекса об административных правонарушениях. Однако наибольший резонанс в научной литературе вызвало само определение «религиозные чувства», а также специфика соответствия сформулированных норм 28 статье Конституции России, гарантирующей право не исповедовать никакой религии [Федотова 2016].

Попытки конкретизации определения «религиозное чувство верующих» требуют от авторов статьи отказаться от большого числа философских и психологических интерпретаций данного термина [Чернышкова 2017].

Религиозные чувства неразрывно связаны с религиозным мировоззрением, базирующимся на религиозном вероучении, а также участием адепта в культовой практике, опосредованной взаимодействием с предметами культа (иконы, кресты, предметы религиозной практики) в пределах сакрального для религии пространства (храм, мечеть, дацан). Оскорбление чувств верующих неизбежно связано с оскорблением священства, почитаемых в религиозной традиции святых и подвижников, практикой срыва или намеренного воспрепятствования проведению богослужения (молебен, крестный ход, религиозный церемониал). Публичный характер, а также злонамеренные действия неизбежно усиливают противоправность деяния. Поэтому норма ст. 148 УК РФ об оскорблении чувств верующих применима при публичном оскорблении вероучения конфессии, культовой практики и предметов культа, сакрального культового пространства конфессии, представителей конфессии, выполняющих культовые функции, а также традиционных для конфессии, исторически сложившихся этических норм и ценностей.

Несколько сложнее обстоит дело с оценкой противоправности речевых действий, в отношении которых, по мнению лингвистов-экспертов, указанная статья 148 Уголовного Кодекса России недостаточно четко определяет деликт, что влечет возможность многочисленных интерпретаций закона правоприменителем. Высказывания подпадают под действие п. 1 статьи – публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих. Материалы, поступающие на экспертизу по данной категории дел, содержат негативные суждения относительно верующих различных конфессий, лиц, имеющих духовный сан и являющихся служителями церкви. Кроме того, материалы часто выражают критическое отношение к каким-либо религиозным догматам или религии в целом, содержат насмешку над религиозными святынями и традициями. Негативное отношение к объекту речи выражается с помощью оценочных высказываний, иногда подкрепляемых логическими аргументами, фактическими данными. Как правило, тексты имеют экспрессивную окраску, выражаемую широким спектром языковых средств: вульгарными метафорами, грубо-просторечными или даже нецензурными лексемами и конструкциями. Однако отсутствие в высказывании указанных языковых средств уже объективно затрудняет квалификацию речевого действия как оскорбления. Возникает и другая проблема. С одной стороны, публичный характер и намеренность действий кажутся очевидными, если негативные оценочные суждения представлены в сети Интернет. Однако, как показал анализ, официально признаваемая публичность интернет-общения не является субъективно значимой для пользователей.

Большая часть материала об оскорблении чувств верующих, поступающего на экспертизу, берется из комментариев пользователей на форумах и новостных ресурсах. Исследователи относят комментарий к жанру естественной письменной речи. Его основные признаки – письменная форма, спонтанность, непрофессионализм исполнения. Текст комментария является чаще не информативным, а оценочным. Автором его может быть любой заинтересованный в обнародовании своего мнения пользователь Интернета, чаще анонимный. Это всегда речевое реагирование на первичный текст. Считается, что чем актуальнее для аудитории будет первичный текст, тем быстрее и в большем количестве появятся комментарии. Кроме того, комментарий – реактивный жанр, так как ориентирован на дальнейшую коммуникацию, сам может стать объектом комментария [Стеклова 2013]. Все сказанное делает этот жанр интересным объектом для анализа с точки зрения коммуникативного риска.

Для первичного сбора субъективной информации был проведен опрос, в котором приняли участие студенты 1 курса Алтайского государственного университета, всего 109 человек в возрасте от 17 до 20 лет (33 юноши и 76 девушек), носители русского языка как родного, активные пользователи Интернета. Им были предложены следующие открытые вопросы:

1. Что такое интернет-комментарий? Кто и почему оставляет комментарии в Интернете?
2. Для кого пишет человек, оставляющий комментарии в Интернете, кто его «собеседник»?
3. Кто «собеседник» человека, оставляющий комментарий к другому комментарию?
4. Насколько допустимо эмоциональное выражение своего мнения в комментарии?
5. Допустимо ли использовать в Интернете мат, грубые выражения, непристойность?
6. Как вы понимаете значение слова «оскорбление»? Что будет оскорбительно лично для Вас? Что такое «оскорбление чувств верующих»?
7. Можно ли привлечь человека к ответственности за его слова в Интернете, если он пишет комментарий анонимно?

Опрос был совмещен с лингвистическим экспериментом. Экспериментальный метод – это метод целенаправленного наблюдения, представляющий собой искусственно моделируемую ситуацию, предполагающую «планомерное манипулирование одной или несколькими переменными и регистрацию сопутствующего изменения в поведении изучаемого объекта» [Шапарь 2006]. Любой эксперимент такого рода направлен на то, чтобы поставить человека в ситуацию управляемого выбора и принятия решения. В лингвистическом эксперименте исследователь не просто пассивный наблюдатель, он участвует в деятельности испытуемого, «имеет возможность так или иначе воздействовать на ход эксперимента, моделировать различные ситуации, ставя участника в необходимые условия» [Леонтьев 1999]. При достаточном количестве испытуемых исследователь получает в итоге усредненную общественно закрепленную оценку явления, действия или предмета.

Экспериментальный метод в лингвистике имеет множество разновидностей. В данном исследовании использовалась методика семантического шкалирования. Испытуемые должны были оценить высказывания при помощи семантической шкалы. Вопрос сформулирован так: «Оцените по шкале от 0 до 5 баллов предложенные высказывания как оскорбляющие чувства верующих». Семантическая шкала поделена на шесть делений, фиксируя противоположные оценки смысла контекста-стимула на разных ее концах. Деления шкалы оцениваются следующим образом: поскольку по шкале оценивается степень выраженности, то позиции шкал соответствуют следующим

характеристикам противоположных признаков: 0 – в высшей степени А; 1 – довольно А; 2 – скорее А, чем В; 3 – скорее В, чем А; 4 – довольно В; 5 – в высшей степени В, где А – неоскорбительность, В – оскорбительность контекста. Присутствие данного вопроса в анкете для респондентов имеет перед собой цель получить от респондентов когнитивную и эмоциональную оценку материала, выраженную конкретными цифрами, для дальнейшей интерпретации результатов воздействия контекста на респондентов. Здесь нужно указать на тот факт, что воздействующей является в принципе любая единица, однако, поскольку нас интересует восприятие именно отрицательной семантики, результаты от 0 до 2 баллов отражают так называемое узувальное значение, которое содержится в обыденном сознании адресата и не является сигналом большой воздействующей силы. Представляется важным анализировать именно те результаты, которые показывают более глубокую интерпретацию личностных смыслов в сознании испытуемых, то есть от 3 до 5 баллов.

Для эксперимента было отобрано десять контекстов-комментариев, в которых была представлена в разной степени эмоциональная негативная оценка ситуаций, связанных с религией, церковными и околоцерковными событиями, государственной политикой в отношении церкви. Контексты отбирались не просто оценочные, но с выраженным пропозиционным «каркасом», поскольку контекст тем легче становится объектом языковой рефлексии, чем полнее отражает экстралингвистическую (денотативную) ситуацию [Трубникова 2008]. Кроме того, не использовались комментарии, содержащие оценку человека как носителя религиозных представлений, и те, в которых использовалась обценная и грубая просторечная лексика, явно выражающая оценку ситуации.

Итак, рассмотрим результаты опроса и семантического шкалирования.

Первый вопрос анкеты был вводным, целью его было сосредоточить внимание опрашиваемых на проблеме. Ответы достаточно однотипны: комментарии пишут люди, которые хотят выразить свое мнение по какому-либо вопросу, свое отношение к сообщению. Отдельные респонденты считают, что комментаторы могут иметь и другие цели помимо указанной: «Люди оставляют комментарий, чтобы выразить свою точку зрения, но не все делают это в благих целях, некоторые хотят спровоцировать агрессию», «Мотивы написания комментариев различны, например, зависть, злость», «Для саморекламы». Но в целом трактовка цели комментариев не расходится с принятой в теории – выразить отношение к комментируемому событию или герою (см., например, [Стексова 2013]).

А вот далее опрос показал, что студенты демонстрируют непонимание сущности общения в Интернете. Отвечая на второй вопрос, все единодушно считают, что «собеседником является вся аудитория, видящая этот комментарий», «все люди, которые его прочитали», что «человек, оставляющий комментарий, адресует свое сообщение как автору того, что он комментирует, так и остальным пользователям Интернета». Но, уже отвечая на следующий вопрос, большинство думает, что человек общается с «автором комментария, к которому сам оставил комментарий», «непосредственно с предыдущим комментатором, отвечая на его мысли», «непосредственно с тем, кто оставил комментарий, пытаюсь поддержать или опровергнуть его мнение», «если человек комментирует чей-то комментарий, то этот человек обращается именно к тому, чей комментарий он прокомментировал». Встретилось даже такое мнение: «Комментатор выше или это может быть разговор с самим собой», «человек ни с кем не общается, просто пишет свое мнение».

Только 19% опрошенных понимают, что общение остается публичным: человек общается «с другими пользователями», «с человеком, который оставил комментарий, но его собеседниками могут быть и другие люди», «с автором комментария, а также с его сторонниками». Чаще это понимание дается в модальности «может быть»: «Зависит от того, какая цель данного комментария, он может быть направлен к конкретному человеку, либо к общественности в целом», «Как правило, комментарий оставляют для автора предыдущего комментария, но довольно часто такой комментарий служит для того, чтобы привлечь внимание остальной аудитории к тому, что заявляет автор предыдущего комментария». Четкое понимание публичного характера общения представлено только в одной анкете: «Собеседниками человека, оставившего комментарий, являются все люди, которые его прочитали, так как все желающие могут ответить на него».

Таким образом, хотя исследователи и говорят о том, что общение осуществляется между коммуникантом и интернет-средой (см., например, [Алексеенко, Гукосьянц 2014]), сами коммуниканты в большинстве своем этого не осознают и продолжают считать общение в Интернете межличностным.

Интересно соотносятся между собой и ответы респондентов на вопросы 4 и 5. Отвечая на вопрос, насколько допустимо эмоциональное выражение своего мнения в комментарии, только 6 человек (около 5,5%) допускают максимальную степень проявления эмоций: «Полная свобода в эмоциональном плане», «Полностью допустимо», «Настолько, насколько человек сам хочет его высказать», «В тех же пределах, что и при обычном общении». Большинство же пытается эту свободу ограничить: «Я считаю, что человек может высказываться как положительно, так и отрицательно, но отрицательное отношение не должно перерасти в оскорбление личности», «Насколько позволит воспитание», «Эмоциональное выражение в комментариях обычно ничем не ограничено, но люди должны сами себя ограничивать правилами этикета» и тому подобное.

Но на вопрос «Допустимо ли использовать в Интернете мат, грубые выражения, непристойность?» отрицательный ответ дает гораздо меньшая аудитория. В целом допустимым это считают 34% опрошенных, 23 девушки (30%) и 14 юношей (42,4%): «Допустимо и очень актуально», «Допустимо, если они не запрещены правилами ресурса» и даже «В Интернете допускается свобода слова и каждый человек сам решает, использовать мат или нет». Даже отрицательные ответы на вопрос могут демонстрировать отнюдь не отрицательное отношение к языковому явлению: «По моему мнению, грубые высказывания, маты нельзя использовать в Интернете, если они затрагивают личность человека» (то есть если не о человеке, а, например, о ситуации в целом, то, выходит, можно). Хотя мат

продолжает восприниматься многими как сильное экспрессивное средство («Смотря в какой ситуации», «Я думаю, что мат, грубые выражения человек не должен высказывать публично, но могут возникнуть ситуации, когда даже нужно перейти на оскорбления» (ж, 18 лет)), ответы студентов показывают, что обценная лексика русского языка начинает терять свою эмоциональность: «Это сложный вопрос, потому что ответ зависит от конкретного человека. Я считаю, что мат в целом допустим как в реальности, так и на просторах Интернета», «Это то же самое, что использовать мат на улице, в обществе», «Все к этому уже привыкли и не обращают внимания» (ж, 18 лет). Это и объясняет количественное соотношение ответов на четвертый и пятый вопросы.

Можно ли привлечь человека к ответственности за его слова в Интернете, если он пишет комментарий анонимно? Считают, что нельзя, – 23 человека: 10 девушек (13%) и 13 юношей (39,4%). Ответили «не знаю» 2 девушки. Отрицательный ответ мог быть односложным (нет, нельзя), но чаще указывали и причину. Причин две. Первая (по количеству ответов) состоит в том, что «это же анонимно». Подобные ответы демонстрируют некоторую техническую неграмотность студентов, грамотные же писали, что «всегда можно вычислить IP-адрес». А вот вторая причина выходит в область конституционного права: «Нет нельзя. Ведь в России присутствует свобода слова», «Я считаю, что нельзя привлечь к ответственности человека за его слова в Интернете, т. к. наши слова – это наше мнение, а в нашей стране существует свобода слова» и т. п. Такие реакции свидетельствуют о том, что для молодежной среды может быть характерна общая правовая некомпетентность.

Правовую некомпетентность демонстрируют студенты и в ответах на шестой вопрос, основывается она на непонимании значения слова (и юридического термина) и связана с расширенным толкованием понятия «оскорбление». По данным словаря, оскорбить – это «крайне обидеть, унижить кого-либо, уязвить, задеть в ком-либо какие-либо чувства» [Евгеньева 1999]. Иначе толкуется понятие «оскорбление» в системе права. Оскорблением признается унижение чести и достоинства лица, выраженное в неприличной форме. Далеко не любая, даже экспрессивная, форма негативной оценки является уголовным преступлением. Недопустимым, с точки зрения закона, являются лишь крайне вульгарные и грубые негативные оценки. Однако, по мнению аудитории, оскорбительными могут быть любые «слова, задевающие чувства других людей»: оскорбление – «обидное высказывание», «грубое, пренебрежительное отношение», «грубое высказывание в чей-то адрес», «агрессия по отношению к человеку», «способ отношения неприязни к кому-либо в словесной форме», «то, что обижает человека, чаще это слова за внешность», «никому не нужное мнение совершенно чужого человека в сторону внешности и особенностей характера» и т. п. Отметим, что проведенные нами ранее исследования юмора дали аналогичные результаты: оскорбительными шутками были названы высказывания о личности, в первую очередь, о ее внешности, интеллекте и речевых навыках [Доронина 2002]. Оскорбление религиозных чувств носителями языка толкуется гораздо более широко: его связывают с «проявлением неуважения к религии», «выражением противоположного мнения», считают оскорбительными «негативные высказывания о религии», «высказывания по поводу того, что вера, не соответствующая вашей, является неверной».

Подобное понимание оскорбления в целом и чувств верующих в частности сказалось и на результатах эксперимента. Поскольку все контексты содержали негативную оценку религии и пр., они все без исключения были в целом восприняты по крайней мере как «скорее оскорбительные». Хотя отдельные реципиенты оценивали их и на 0 баллов, средний показатель для всех был выше 2,5. Оскорбляющим религиозные чувства был признан даже контекст «Программа насильственной христианизации населения как новой национальной идеи с треском провалилась» (средний балл 3,1). Наиболее оскорбительными (максимальное количество оценок 5) были признаны следующие комментарии: «Религия – это насмешка над здравым смыслом, над человеком разумным, над всей человеческой расой» (средний балл 4,9) и «Мне противно это кликушество, вместо работы депутаты участвуют в религиозном мероприятии в госучреждении. Письки попрыгали в церкви – на зону, а попы кадиллом в АКЗС машут – так и надо» (средний балл 4,6).

Практика производства судебной лингвистической экспертизы складывается таким образом, что спорные тексты данного типа оцениваются с точки зрения наличия в них негативной информации о религиозных группах или отдельных лицах как представителей данных групп. Характер негативной информации также подлежит экспертному анализу: необходимо установить значение унижительной оценки лица или группы, речевую цель унижения и неприличную форму выражения этих значений, соотносимую, согласно экспертным методикам, с вульгарно-просторечными и нецензурными языковыми единицами. Религиозные дискуссии, какую бы острую эмоциональную форму они ни принимали, признаются допустимым видом речевой деятельности. С этой точки зрения результаты социологического опроса рядовых носителей языка резко противоречат экспертной оценке. Произведем экспертный анализ высказываний, выделенных информантами как наиболее резкие и неприемлемые.

I. Религия – это насмешка над здравым смыслом, над человеком разумным, над всей человеческой расой.

Высказывание содержит негативную оценку религии как системы мировоззрения. Оценка выражена имплицитно, путем указания на порождающую ее причину: религия представляет собой обман, она противоречит разуму, логике и человеческому опыту.

Экспрессивность оценке придает слово «насмешка», толкуемое как обидная шутка по поводу кого-либо, чего-либо [Евгеньева 1999]. Таким образом, религия предстает как циничная форма обмана, вызывающего чувство обиды, унижения.

Вместе с тем содержанием высказывания не является выражение отношения к какой-либо группе лиц или к отдельному лицу как представителю группы. В исследуемом предложении в эмоциональной форме отстаиваются атеистические религиозные убеждения. Неприличной формы данное выражение также не имеет. Следовательно,

выражение не содержит лингвистических признаков деликта статьи 148 Уголовного Кодекса РФ «оскорбление религиозных чувств верующих».

II. Мне противно это кликушество, вместо работы депутаты участвуют в религиозном мероприятии в госучреждении. Письки попрыгали в церкви – на зону, а попы кадиллом в АКЗС машут – так и надо.

В выражении подвергается резкой негативной оценке имевший место в действительности факт – проведение чина освящения здания Алтайского краевого Законодательного Собрания епископом православной церкви. Эмоциональность оценке придают следующие средства:

1. Метафора «кликушество», сравнивающая неуместное религиозное рвение чиновников с психическим расстройством. Толковый словарь русского языка описывает значение этого слова следующим образом: «Кликушество – 1. Нервное истерическое заболевание (преимущественно у женщин), выражающееся в судорожных припадках, сопровождаемых резкими криками и взвизгиваниями. 2. переносное, разговорное, презрительное. Крикливое и пристрастное выражение чего-либо» [Евгеньева 1999].

2. Интерпретируемое событие сопоставляется с акцией 21 февраля 2012 года участниц панк-группы Pussy Riot в храме Христа Спасителя, в результате которой двое из них получили реальный уголовный срок. С помощью антитезы выражается несогласие с различной общественной оценкой событий, которые, с точки зрения автора высказывания, являются в равной степени аномальными.

3. Лексема «писька», употребление которой объясняется паронимичекой аттракцией слова с одним из компонентов наименования панк-группы Pussy Riot (слово также может быть интерпретировано как вольный перевод английской лексемы pussy), является стилистически сниженным и также служит выражению авторской оценки.

Таким образом, в контексте не обнаруживается значение унижительной оценки лица или группы лиц, не содержится неприличных по форме выражений, следовательно, исследуемое выражение не содержит лингвистических признаков оскорбления религиозных чувств.

4. Заключение. Подводя итоги, скажем, что анализ интернет-комментариев и их оценки в обыденном сознании носителей языка позволяет определить причины возникающих социальных конфликтов, определяемых как оскорбление чувств верующих. Во-первых, это низкая правовая и коммуникативная грамотность пользователей Интернета. Носители языка, по крайней мере молодые, воспринимают интернет-коммуникацию как межличностную, а не как публичную, не видят разницы между ней и непосредственным устным общением. Допуская возможность для себя повышенной эмоциональности при обсуждении интересующих их проблем, не будучи подчас обремененными элементарными представлениями об этике общения и ограниченными языковыми табу, авторы интернет-комментариев могут позволить себе употреблять не просто экспрессивно нагруженную, но грубо-просторечную и даже нецензурную лексику. При этом у них не возникает мыслей о возможности правонарушения или о необходимости отвечать за свои слова. Поэтому молодежь нужно знакомить с правовыми аспектами интернет-коммуникации, например, в вузовском курсе «Основы права» или даже еще раньше, в школе на обществознании.

Во-вторых, причиной конфликта может стать расширенное толкование понятия оскорбления в общественном и индивидуальном сознании по сравнению с системой права и субъективное восприятие языковых единиц как эмоционально-оценочных или, наоборот, нейтральных. В таком случае человек, используя «нейтральные» в его представлении языковые средства, невольно нарушает права другого, хотя «незнание не освобождает от ответственности». С другой стороны, указанная причина приводит к возможности для человека считать себя оскорбленным и возбуждать дело против автора интернет-комментария, хотя тот ничего не нарушил с точки зрения права. Все это заставляет говорить о повышении не только правовой и коммуникативной, но и общей грамотности носителей языка.

Литература

- Алексеев И.С., Гукосьянц О.Ю. Специфика интернет-опосредованной коммуникации и феномен виртуальной языковой личности / Политическая лингвистика. – 2014. – №50(4). – С. 193–202.
- Доронина С.В. Инвективная функция насмешки и проблемы ее экспертной оценки / Юрлингвистика. – 2002. – №3. – С. 78–85.
- Евгеньева А.П. (Ed.). Словарь русского языка в четырех томах. Москва, 1999.
- Кацаева М.В. Защита чувств верующих в парадигмах российского уголовного и административного законодательства / Вестник Барнаульского юридического института МВД РФ. – 2019. – № 1(36). – С. 79–81.
- Леонтьев А. А. Психология общения. М., 1999.
- Стеклова Т.И. Комментарий как речевой жанр и его вариативность / Жанры речи. – 2013. – №9(1). – С. 82–88.
- Трубникова Ю.В. Экспериментальное исследование деривационных механизмов взаимодействия первичного и вторичного текстов / Сибирский филологический журнал. – 2008. – № 2. – С.118–132.
- Чернышкова З.Е. Религиоведческая экспертиза: анализ действий, направленных на оскорбление чувств верующих / Философские науки. – 2017. – №3. – С. 202–205.
- Федотова Ю.Е. Оскорбление религиозных чувств верующих и уголовный закон: работа над ошибками / Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – №1. – С. 199–205.

Шапарь В.Б. Практическая психология. Психодиагностика отношений между родителями и детьми. Ростов-на-Дону, 2006.

Шилин Д.В. Уголовная и административная ответственность за нарушение права на свободу совести: правовое разграничение / Журнал российского права. – 2016. – №5. – С. 81 – 89.

Шнитенков А.В. Оскорбление религиозных чувств верующих: проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности / Современное право. – 2014. – №3. – С. 107–109.

European Union (1950). Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Available from https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf

References

Alekseenko, I.S. Gukosyants, O.Yu. (2014). The specificity of Internet-mediated communication and the phenomenon of virtual language personality. *Political Linguistics*, 50(4), 193–202 (in Russian).

Chernyshkova, Z.E. (2017). Religious expertise: analysis of actions aimed at offending the feelings of believers. *Philosophical Sciences*, 3, 202–205 (in Russian).

Doronina, S.V. (2002). Invective function of ridicule and problems of its expert evaluation. *Jurislinguistics*, 3, 78–85 (in Russian).

European Union (1950). Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Available from https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf

Evgenieva, A.P. (Ed.). (1999). Dictionary of the Russian language in four volumes. Moscow (in Russian).

Fedotova, Yu.E. (2016). Insulting religious feelings of believers and criminal law: work on mistakes. *Legal Science and Law Enforcement Practice*, 1, 199–205 (in Russian).

Kaschaeva, M.V. (2019). Protecting the Feelings of Believers in the Paradigms of Russian Criminal and Administrative Legislation. *Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, 1 (36), 79–81 (in Russian).

Leontiev, A.A. (1999). Psychology of communication. Moscow (in Russian).

Shapar, V.B. (2006). Practical psychology. Psychodiagnostics of relations between parents and children. Rostov-on-Don (in Russian).

Shilin, D.V. (2016). Criminal and administrative liability for violation of the right to freedom of conscience: legal distinction. *Journal of Russian Law*, 5, 81–89 (in Russian).

Shnitenkov, A.V. (2014). Insulting religious feelings of believers: problems of legislative regulation of criminal liability. *Modern Law*, 3, 107–109 (in Russian).

Steksova, T. I. (2013). Commentary as a speech genre and its variability. *Genres of Speech*, 9(1), 82–88 (in Russian).

Trubnikova, Yu.V. (2008). Experimental study of derivational mechanisms of interaction between primary and secondary texts. *Siberian Philological Journal*, 2, 118–132 (in Russian).

Citation:

Доронина С.В., Кашаева М.В., Трубникова Ю.В. «Оскорбление религиозных чувств»: обыденное сознание и правоприменение. // Юрислингвистика. – 2022. – 24. – 45-52

Doronina, S. V. Kashaeva, M.V. Trubnikova, Yu.V. (2022). "Insulting Religious Feelings": Everyday Consciousness and Law Enforcement. *Legal Linguistics*, 24, 45-52.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА. ИНФОРМАЦИЯ.

О КНИГАХ МИХАИЛА ВИКТОРОВИЧА ГОРБАНЕВСКОГО, ГАЛИНЫ НИКОЛАЕВНЫ ТРОФИМОВОЙ «ГЛЭДИС В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ» И ЕЛЕНА ИГОРЕВНЫ ГАЛЯШИНОЙ «СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: УЧЕБНИК»

Е.В. Крадожён-Мазурова

Финал 2021 года оказался щедр на подарки российским лингвистам, юристам, специалистам в области прикладной лингвистики, лингводидактики, студентам, магистрам, аспирантам юридического направления подготовки, специалистам в области правового обеспечения национальной безопасности и судебной лингвистической экспертизы. Речь пойдёт о книгах Михаила Викторовича Горбаневского, Галины Николаевны Трофимовой «ГЛЭДИС в цифровом пространстве» (М.: ИПЦ «МАСКА», 2021) и Елены Игоревны Галяшиной «Судебная лингвистическая экспертиза: учебник» (М.: Проспект, 2021).

Обе книги – интереснейшие, современные и своевременные. Профессор Михаил Викторович Горбаневский и профессор Галина Николаевна Трофимова посвятили свой научно-просветительский труд двадцатилетию Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС). Доктор филологических наук, профессор Горбаневский с коллегами-единомышленниками, выпускниками Российского университета дружбы народов (РУДН) и специалистами в сфере информационных технологий в 2001 г. стоял у истоков Гильдии и на протяжении двух десятилетий руководит ею. Галина Николаевна Трофимова много лет является заместителем председателя правления ГЛЭДИС.

В феврале 2001 г. (15.02.2001 г.) ГЛЭДИС была зарегистрирована Министерством юстиции России. Сегодня на счету экспертов Гильдии тысячи сложнейших экспертиз, в большинстве своём связанных с исследованием материалов социальных сетей, мессенджеров, электронных СМИ. Известные российские и зарубежные учёные – члены ГЛЭДИС не только ведут экспертно-аналитическую работу, но и оптимизируют и разрабатывают методики исследования интернет-текстов, новые алгоритмы лингвистического анализа с использованием цифровых технологий.

Книга «ГЛЭДИС в цифровом пространстве. Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам – 20 лет» состоит из четырёх частей, включающих разделы. Первая часть кратко знакомит читателей с историей Гильдии, её целями и задачами, видами экспертных работ, проводимых специалистами – членами ГЛЭДИС. В одном из разделов первой части (раздел 4) представлены руководители Гильдии и члены правления.

Очень человечно написан раздел «In memoriam» (раздел 5) – персоналии тех, кто был в авангарде ГЛЭДИС в годы становления и позднее. Полагаю уместным процитировать фрагмент этой части книги: «Эти люди всегда восхищали нас своей любовью к Отечеству, к родной русской речи, преданностью профессии, служили нам примером трудолюбия, доброты, толерантности, искреннего уважения к младшим коллегам». И нет в этих словах высокопарности, ведь в пантеоне ГЛЭДИС – славные имена, знакомые каждому филологу со студенческих лет: Юлий Абрамович Бельчиков (1928-2018); Юрий Николаевич Караулов (1935-2016); Виталий Григорьевич Костомаров (1930-2020); Владимир Владимирович Лопатин (1935-2021); Александра Васильевна Суперанская (1923-2013).

Когда речь идёт о деятельности ГЛЭДИС в цифровом пространстве, понятно, что это не сиюминутная дань эпохе пандемии, продвинувшей цифровизацию всех областей знания: уже 20 лет назад Гильдия выстраивала свою перспективу с научной опорой на «цифру». Занимались этим профессионалы: Вениамин Владимирович Каширских (1945-2010), генерал-лейтенант ФСБ в отставке, один из руководителей контрразведки страны, главный редактор «Финансовой газеты», создатель комплексной безопасности и защиты Гильдии, и Владимир Владимирович Красильников (1949-2004), генеральный директор Информационно-аналитического альманаха «ЕвроФорум», соучредитель ГЛЭДИС. Светлая память тем, кто трудился во славу Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам.

Первая часть книги «ГЛЭДИС в цифровом пространстве. Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам – 20 лет» (раздел 6) знакомит читателя с партнёрами Гильдии в научно-методической и прикладной сферах: Российской академией наук, ведущими университетами и кафедрами России, экспертными организациями, СМИ, НКО, профильными журналами.

Вторая часть – «ГЛЭДИС в WWW» в пяти компактных разделах рассказывает о структуре веб-сайта Гильдии – www.rusexpert.ru, который оценивается российским и зарубежным профессиональным сообществом экспертов-лингвистов как удобный и полезный.

Уже обзор главной страницы <http://rusexpert.ru/> позволяет пользователям Сети легко ориентироваться в работе Гильдии, обращаться в секретариат ГЛЭДИС. Верхний интерфейс страницы даёт ссылки на основные разделы сайта: Гильдия – Услуги – Для заказчиков – Библиотека – Экспертизы – Партнёры – Контакты.

ГЛЭДИС имеет собственное профильное СМИ – ежедневную Ленту новостей, информирующую о работе Гильдии и её партнёров: здесь можно узнать о предстоящих научных конференциях, семинарах, возможности участия в них, требованиях к оформлению заявок, о сроках и местах защит кандидатских и докторских диссертаций, интересных с позиций юрислингвистики. В книге Михаила Викторовича Горбаневского и Галины Николаевны Трофимовой приведены свежие примеры сообщений из Ленты новостей ГЛЭДИС. Отдельный раздел части 2 назван «Библиотека» – <http://rusexpert.ru/lc.html> Это один из популярнейших разделов сайта Гильдии: уникальные материалы по лингвоэкспертологии можно скачать в формате PDF, их легко найти, так как они тщательно структурированы в 6 специальных папках.

Особого внимания заслуживает инновационный раздел 4 второй части книги – «Интерактивный словарь терминов российского законодательства», подготовленный в 2021 г. членом ГЛЭДИС и Научно-методического совета ГЛЭДИС Мариной Владимировной Батюшкиной, консультантом Законодательного Собрания Омской области, Экспертом Национальной Академии этики и протокола, при содействии председателя правления Гильдии профессора Михаила Викторовича Горбаневского. Словарь вышел в солидном московском издательстве ФЛИНТА, объёмом 568 с. Он содержит более 6000 терминов [Электронный ресурс]. В Словаре представлена система терминов современных федеральных кодексов и законов России (1990 – 2020-е годы). В словарных статьях особенностью подачи материала являются ссылки на законы – источники терминов. В части 2 книги «ГЛЭДИС в цифровом пространстве. Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам – 20 лет» на с. 69-78 приведены примеры словарных статей нового словаря, а также корпуса терминов российского законодательства и терминов модельных актов, принятых Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ. Авторы книги публикуют пошаговую инструкцию – алгоритм поиска терминов, объясняя пользователям, что на сайте представлен универсальный словарно-справочный ресурс, рассчитанный на широкий круг читателей.

В разделе 5 второй части книги «ГЛЭДИС в цифровом пространстве» приведены примеры лингвистических заключений экспертов и специалистов Гильдии.

Часть 3 издания «Служим науке, истине и родной речи» представлена двумя разделами: 1. Интервью руководителя ГЛЭДИС профессора Михаила Викторовича Горбаневского федеральному журналу «Судья» (октябрь 2020, № 10) «Русский язык приспособился к специфике информационных цифровых технологий и начал диктовать условия обращения с ним в интернете». В интервью, данном в преддверии 20-летия Гильдии и в первый год пандемии, когда все полагали, что дистанционное решение многих оперативных проблем (обучения, проведения конференций и симпозиумов, заседаний парламентов и правительства) – это ненадолго, профессор М.В. Горбаневский наметил стратегические линии работы лингвоэкспертного сообщества в условиях преобладания интернет-пространства. В его интервью речь идёт об особенностях анализа поликодовой композиции текста, гиперссылках, хештегах, смайлах, необходимости учёта количества репостов, лайков и неотложности обучения лингвоэкспертов навыкам исследования новых интернет-жанров. В интервью М.В. Горбаневский представил лингвистическую модель разоблачения фейковой информации. Актуальность этой работы, выполненной с участием ведущих экспертов Гильдии: И.В. Жаркова (Санкт-Петербург), Е.А. Колтуновой (Нижний Новгород) и Г.Н. Трофимовой (Москва) – сегодня очевидна. Не менее важна в интервью та часть, которая предостерегает экспертов/специалистов от ошибок.

Раздел 2 третьей части книги – это статья заместителя руководителя ГЛЭДИС, профессора Галины Николаевны Трофимовой в журнале «Российская юстиция» (май 2021 г., № 5, рубрика «Язык и право») «Своеобразие функционирования русского языка в условиях становления информационного права». В статье рассматриваются проблемы лингвистической безопасности, информационных войн, защиты права на информацию и становление особой отрасли знания – юридического права. Автор анализирует язык в сетевом медиапространстве, «фейк-ньюс», речевую агрессию, формирование в Сети комплексной языковой личности, функционирование цифровой текстосферы. Профессор Г.Н. Трофимова систематизирует проблемы информационной безопасности и предлагает ориентиры, позволяющие выявить спорные лингвистические моменты в потенциально конфликтных, агрессивных текстах. Этот подход бесспорно важен для практики экспертной деятельности лингвистов, связанной с анализом текстов экстремистской и террористической направленности.

Финальная часть совместной работы Михаила Викторовича Горбаневского и Галины Николаевны Трофимовой называется метафорически – «ГЛЭДИС о сетевом бумеранге». В разделах речь идёт о свойствах виртуального гипертекста. Учёные дают прогноз развития этой многомерной конструкции, основанной на принципах поликодовости, мультимедийности и интертекстуальности. Особого комментария удостоен репостинг как способ распространения сетевого текста, создающий эффект доверительности и способствующий формированию общественного мнения.

Подходы к толкованию понятия «язык вражды», представленные в книге, не абстрактные теоретические изыскания авторов, а суровая необходимость чётко определить явление, оцениваемое международным юридическим сообществом. В работе указано, что классификаций «языка вражды» много, а это вызывает нечёткость, размытость границ понятия. В рамках обращения к теме «языка вражды» в публикации рассмотрены «холивар» и киберунижения.

Ещё одной нерешённой лингвоэкспертной проблемой является отсутствие детализированной дефиниции термина «неприличная форма». Учёные выражают надежду, что новому составу Государственной Думы РФ удастся сдвинуть с места «этот воз».

Фейки в СМИ – эффективное информационное оружие. Умение противостоять фейковым новостям связано с развитием фактчекинга, позволяющего выявлять недостоверную, не соответствующую действительности информацию. С позиций лингвистической экспертологии это сложный многоуровневый процесс анализа языковой системы.

Михаил Викторович Горбаневский и Галина Николаевна Трофимова высказывают мнение, что с оценением рисков распространения «фейк-ньюс» и практикой распознавания дезинформации лингвистическими методами напрямую связан и большой интернет-бизнес платформ Ютуб, Инстаграм, Телеграм, соцсетей Фейсбук, ВКонтакте, ТикТок, мессенджеров. Очевидно, что доходность этих медиапродуктов резко снизится, если пользователи утратят к ним доверие из-за распространения фейков. Ложная информация, вброшенная через Интернет, вирусно распространяется и может дестабилизировать общество. Роль лингвистов авторы публикации видят в повышении уровня языковой и коммуникативной компетенции интернет-коммуникантов, в изучении интернет-дискурса.

В книге «ГЛЭДИС в цифровом пространстве» указано, что явление речевого хулиганства в Сети имеет ряд специфических характеристик: негативная оценка, неприличная форма выражения, инвективная и обценная лексика, манипулирование. Речевое поведение подобного типа фиксируется в разных странах. В публикации описаны несколько типов речевого хулиганства: фишинг, хейтерство, кибербуллинг, троллинг, киберсталкинг – и дан рецепт против этой интернет-болезни от Т.В. Черниговской: нужно сформировать способность жить в цифровом мире, не потеряв человечность.

Завершает книгу раздел о герменевтике малых форм (смайликах, мемах, демотиваторах, значках и знаках препинания). Авторы научно-просветительской публикации считают, что малые формы, например, эмодзи, должны учитываться при анализе текста.

Книга Михаила Викторовича Горбаневского, Галины Николаевны Трофимовой «ГЛЭДИС в цифровом пространстве» рассчитана как на специалистов, так и на широкую аудиторию интернет-пользователей, а потому завершить её короткий обзор нужно финальной фразой авторов: «Будь осторожен, выбирая слово! Оно может вернуться сетевым бумерангом с правовыми последствиями». Попробуйте с этим не согласиться!

Книга Елены Игоревны Галяшиной «Судебная лингвистическая экспертиза: учебник» (М.: Проспект, 2021. – 424 с.) и без герменевтических подступов очевидно связана с книгой Михаила Викторовича Горбаневского и Галины Николаевны Трофимовой «ГЛЭДИС в цифровом пространстве» не только годом издания, но и тем, что книги эти взаимно дополняют и проясняют друг друга. В аннотации книги профессора Е.И. Галяшиной указано: «Законодательство приведено по состоянию на 1 апреля 2021 г. Для студентов, аспирантов и преподавателей вузов, практических работников экспертных, следственных, судебных органов и других юристов». Актуальность обеих книг не вызывает сомнений: их выхода ждало экспертное сообщество, потому что эти книги дают ответы на вопросы практиков и теоретиков, объясняют и уточняют методические аспекты проведения лингвистических экспертиз и исследований. Подачу материала диктует авторам заявленный жанр: научно-информационное издание, посвящённое 20-летию Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС), подготовленное руководителем ГЛЭДИС, профессором Михаилом Викторовичем Горбаневским и его заместителем, профессором Галиной Николаевной Трофимовой должно отражать вехи, этапы большого пути Гильдии и ставить задачи ГЛЭДИС на будущее.

Книга профессора, доктора филологических наук, доктора юридических наук Елены Игоревны Галяшиной «Судебная лингвистическая экспертиза: учебник» нацелена на подробное изложение полного курса судебной лингвистической экспертизы читателям от бакалавра до специалиста-практика, проводящего экспертизы. Е.И. Галяшина в 2001 г. стояла у истоков ГЛЭДИС, многие её публикации вышли под грифом ГЛЭДИС, концепция Гильдии разрабатывалась при её участии. Тем важнее для коллег-юрислингвистов новая книга профессора Е.И. Галяшиной – первый в России учебник по судебной лингвистической экспертизе.

Чёткая рубрикация разделов учебника, интересные иллюстрации, ясный, доступный молодым юристам стиль изложения, постепенное введение терминологического аппарата позволяют поэтапно осваивать объёмный материал. Автор работы анализирует криминогенные речевые действия, исследуя историю вопроса. Е.И. Галяшина, авторитетный судебный эксперт, в монографии учитывает все методические подходы к решению лингвоэкспертных задач. В 6 главе книги «Частная теория судебной лингвистической экспертизы» в разделе 6.3 подробно изложены методы судебной лингвистической экспертизы, а в разделе 6.4 – методики лингвоэкспертизы. Автор применяет лингводидактические приёмы подготовки экспертов-лингвистов и представляет алгоритм работы эксперта в форме пошаговой инструкции.

Важными для экспертов-практиков представляются 8, 9, 10 главы монографии, в которых профессор Е.И. Галяшина подробно излагает основы судебной лингвоэкспертизы текстов диффамационной направленности, исследует особенности экспертиз по делам об оскорблении и по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. Автор учебника, имея многолетний опыт проведения исследований и экспертиз текстов экстремистско-террористической направленности, отражённый в ряде публикаций (см., например, Галяшина, Е.И. Лингвистика VS экстремизма. – М., 2008 г.; Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. – М.: Проспект, 2011 и др.), обобщает материал в новой книге.

НЕ следует забывать, что ошибки могут подстерегать и начинающих, и опытных экспертов/специалистов. 11 глава монографии Елены Игоревны Галяшиной «Судебная лингвистическая экспертиза: учебник» раскрывает причины

ошибок при назначении и производстве лингвистической экспертизы, показывает типичные ошибки, презентует читателям примеры ошибок из экспертной практики.

Книга ценна источниковой базой, приложениями, представляющими заключение эксперта по итогам проведённой судебной лингвистической экспертизы и пример консультации специалиста (в жанре рецензии на заключение эксперта).

Для преподавателей вузов, читающих курс «Судебная лингвистическая экспертиза» на юридических факультетах по направлению подготовки «Юриспруденция» и по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности», важным элементом учебника профессора Е.И. Галяшиной являются тщательно продуманные контрольные вопросы к каждому разделу.

Книга Елены Игоревны Галяшиной представляет современные положения судебной экспертологии, соответствует требованиям федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по специальности «Судебная экспертиза», «Правовое обеспечение национальной безопасности» и будет способствовать подготовке квалифицированного штата лингвистических экспертов в России.

Подписано в печать 22.06.2022 г.

Дата публикации издания 01.07.2022 г.

Адрес издательства: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

© Алтайский государственный университет, 2022